

Константин Морозов

ЧУЖОЙ СЕБЕ

Константин Морозов

Чужой свет

Серия «Чужой свет», книга 1

<https://litres.ru/73145813>

SelfPub; 2026

Аннотация

Планета Ифрилия, лишённая лун, подарила своему народу удивительный дар добровольное превращение в могучего зверя с сохранением разума и рассудка. Но Земля, с её обманчиво прекрасным спутником, стала ловушкой. Холодный лунный свет ломает разум ифрилийцев, выпуская на волю неконтролируемого зверя.

Теперь их цивилизация это горстка выживших в глубоком Убежище и Охотники. Те, кто в кромешной тьме сражается с кошмаром, порождённым чужим небом.

Тарр старейший из Охотников. Его экзоскелет щит от губительного света и орудие отчаяния. Каждая ночь это погоня, схватка и мучительный выбор: спасти сородича или предать его забвению. Число обезумевших растёт, а надежда на излечение тает с каждым новым рассветом.

Под вой, эхом раздающийся из человеческих мифов, под чёрные слёзы городского дождя Тарр ведёт свою бесконечную

войну. Войну за души своего народа. Войну, которая может закончиться только одним окончательной потерей себя.

Содержание

Глава первая: Ночная Охота.	5
Глава вторая: Начало.	12
Глава третья: Пробуждение.	17
Глава четвёртая: Новый день.	24
Глава пятая: Чужой след.	31
Глава шестая: Объект ноль.	41
Глава седьмая: Зверь в тени.	49
Глава восьмая: Таэль.	58
Глава девятая: Сергей.	67
Глава десятая: Хвост.	77
Глава одиннадцатая: Новая жертва.	90
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Константин Морозов

Чужой свет

Глава первая: Ночная Охота.

Дождь струился по пластинам его экзоскелета, словно чёрные слёзы. Над ночным городом бушевала гроза, но её раскаты тонули в вечном гуле мегаполиса, что не умолкал даже глубокой ночью. Он сидел на острие крыши небоскрёба, неподвижный, как горгулья. Сквозь багровую линзу визора мир был другим – резким, наполненным тепловыми контурами и недоступными человеку электромагнитными полями.

«Он где-то рядом. Я чувствую его, его страх и ярость», – промелькнула мысль, холодная и точная. Мысль, которую его предшественники думали в лесах, ставших мегаполисами, на протяжении нескольких столетий.

Его миссия была проста: найти, остановить и доставить в убежище. «Она повторяется раз за разом уже много веков, и что-то не видно конца – ещё много работы», – с тоской подумал Охотник.

Взгляд, усиленный технологиями Ифрили – родной планеты Охотника, скользнул по улицам вниз. Люди. Они копошились в своих светящихся ульях, слепые к истинной жизни.

ни ночи, не подозревая, что среди них уже почти тысячу лет длится незримая война. Их восхищала их собственная Луна, они слагали о ней стихи и песни, даже ступили на её безжизненную поверхность, не догадываясь, что для его народа этот бледный спутник, эта «невинная» ночная красавица, стал самым страшным проклятием, принесшим на их планету бесконечный кошмар.

Ифрилия... Планета, застывшая в вечных сумерках под взглядом угасающего красного гиганта. Мир, где его народ носил в крови дар – по своей воле становиться другой сущностью на молекулярном уровне – зверем, называемых на Земле волколаками, при этом сохраняя разум и обретая небывалую мощь. Они были хозяевами своего зверя. Их мир был одинок в своей системе, лишённый лун, и они не могли даже представить, какая ловушка ждёт их здесь. Их раса много путешествовала по разным системам в поисках другой, новой жизни. И наконец они нашли эту планету – Землю. Но радость была не долгой... Луна - спутник Земли, эта обманчиво спокойная сфера оказалась для них ловушкой. Её холодный, отражённый свет, безвредный для землян, нарушал тонкую генетическую химию ифрилийцев, вырывая зверя из-под контроля разума. Превращение становилось мучкой, а облик – тюрьмой для обезумевшего сознания.

Этот экзоскелет был не просто броней – это был щит, изолирующий его от пагубного лунного света, фильтрующий слишком яркое для него солнце. Он был Охотником, послед-

ним звеном в цепи, что тянулась сквозь века. Тем, кто возвращал своих сородичей или предавал забвению тех, кого уже не спасти.

Его размышления разорвал звук, от которого сжалась бы в ледышку душа любого землянина – протяжный, полный тоски и ярости вой. Тот самый вой, что эхом раздавался в ночи с самых тёмных страниц человеческих легенд, рождённых под тем самым светом, что его и вызвал. Зов потерянной души и разбуженного зверя в одном лице.

Охотник сорвался с места. Его чёрный силуэт растворялся в потоках дождя, превращаясь в смазанную тень, что неслась над городом. Прыжок с крыши на крышу, отскок от стеклянного фасада – он был воплощением скорости и цели. Сердце, если бы его можно было услышать, билось ровно, отсчитывая расстояние до цели.

Наконец, он спрыгнул в узкий, пропахший мусором и страхом переулок. И увидел Его.

Огромный зверь, заросший колючей серой шерстью, встал на пути. Когти, оставлявшие борозды в асфальте, клыки, обнажённые в беззвучном рыке. В мутных глазах не осталось и намёка на разум – только первобытная ненависть. Серая шерсть говорила сама за себя – превращение зашло слишком далеко. Возможно, обратного пути уже нет. Таких, как он, за последние сто лет становилось всё больше.

Чудовище ринулось в атаку, снося на своём пути мусорный бак, словно спичку. Охотник действовал с калиброван-

ной точностью, отработанной веками бесчисленных схваток. Взмах руки – и специальный пистолет рявкнул, выплеснув два шприца-пули. Они вонзились в мощную грудь волколака с глухим чавкающим звуком.

Но чудовище лишь вздрогнуло, покачнулось, но не упало. Снотворное не сработало. Или организм выработал иммунитет, или ярость оказалась сильнее седативного.

«Эх, придется действовать по старинке», - подумал Охотник и приготовился к бою.

Будь на его месте обычный человек – от него осталось бы мокрое место. Но Охотник был не человеком. Едва заметным движением он сместился в сторону, и массивное тело пронеслось мимо, врезавшись в кирпичную стену. Пока зверь оглушённо тряс головой, Охотник нанёс короткий, сокрушительный удар в основание спины, куда сходились пучки мышц.

Стена снова приняла на себя удар, на этот раз с треском. Но зверь был жив, слишком жив. С рёвом, полным боли и ярости, он вновь бросился в бой. Но теперь это была агония. Охотник парировал, уворачивался, его движения были выверенным смертельным танцем. Каждый его удар был точным и жёстким, каждый пропущенный удар когтей – на грани.

И, наконец, яд и усталость сделали своё. Удар ослаб, рык перешёл в хрип. Ещё один точный мощный удар – и огромное тело, наконец, рухнуло на мокрый асфальт, издав глухой стон. Без сознания.

Охотник стоял над поверженным сородичем, его алые глаза-линзы были непроницаемы. Где-то там, под этой горой мышц и шерсти, мог оставаться человек с Ифрилии. Или уже нет?

Охотника звали Тарр. Он сидел на корточках над поверженным зверем, и его черный экзоскелет, несмотря на свою невероятную прочность, начал затягивать полученные повреждения. Черная оболочка была усилена гибкими бронепластинами на груди, плечах и вдоль позвоночника, на которых мерцали приглушенным молочным светом извилистые руны Ифрилии. Под оболочкой напряглись искусственные мышцы – биомеханические пучки, усилившие и без того не дюжую силу Охотника. Из-под шлема с узким визором, светившимся в темноте угрюмым алым светом, доносилось лишь его сдержанное дыхание. Перед ним лежал крупный, судя по седым клочьям в темной шерсти, старый Ифрилиец. Рука в черной перчатке легла на горячий бок Волколака – под пальцами тупо и медленно стучало могучее сердце. Зверь был жив, погружен в глубокое забытие. «Жив... и это пока главное», – пронеслось в голове Тарра. Глубоко в груди, как всегда, шевельнулась надежда, что Зифан – великий учёный, сможет вернуть разум их брату. Ведь именно он нашёл ключ к спасению от пагубного влияния местного спутника. Но ключ этот был хрупким. Если же на этот раз ничего не выйдет... Тарр сжал кулак. Ему, старейшему из воинов Ифрилии, снова придется взять на себя роль палача.

Одним пластичным, выверенным движением Охотник взвалил на плечи тяжелую тушу. С короткого разбега он легко взмыл на конек ближайшего дома, его прыжок был стремителен и точен. Груз в двести килограммов не мог нарушить эту грациозную мощь. Черная фигура была воплощением ночного кошмара, и смотрелась чужеродно в этом ночном городе, да и на планете в целом. Его движения были пугающе органичны. Мелкий дождь стекал по глянцевой черной оболочке. Он летел над спящим городом, с крыши на крышу, словно тень, оторвавшаяся от земли.

Этой целью был старый, заброшенный особняк на самой окраине города. Его облупившийся фасад намеренно говорил о запустении. Таков был расчет. Тарр приземлился во дворе. Мимо спящих под дождем груд мусора он скользнул к задней стене, к не приметной, покрытой ржавчиной двери в подвал.

Дверь со скрипом отворилась перед ним. Исчез дождь, исчез запах сырости. Вместо них Тарра встретила стерильная тишина убежища. Стены узкого коридора, отполированные до серебристого блеска, светились изнутри тусклым, ровным сиянием – скупым для человеческого глаза, но более чем достаточным для зрения Иффрилийца. В этом свете черный экзоскелет отливал холодным, матовым блеском. Под ногами упруго пружинили ступени лестницы, уводящей вниз. Они привели к массивным двухстворчатым дверям, которые бесшумно разошлись в стороны, открывая кабину лифта. На

панели мерцали несколько значков, написанных знакомыми извилистыми письменами Ифрилии. Тарр, не выпуская нощу, плечом нажал на одну из кнопок. Двери закрылись, и кабина, плавно сорвавшись с места, понесла его в самое сердце тайного убежища.

Глава вторая: Начало.

Тарр спускался вниз, и каждая секунда пути отмерялась тяжёлым гулом лифта и ещё более тяжёлыми мыслями. Сколько их ещё? Сотни? Тысячи? Потерянные души, облупленные чужим светом, ставшие проклятием для мира, который должен был стать им вторым домом. А ведь всё начиналось с такого чистого, почти детского восторга. После долгих и безуспешных поисков мы нашли её – обитаемую планету Землю.

Наконец первая встреча с другим разумом – людьми. Они были хрупкими, шумными, странными... и невероятно похожими. Их эмоции, их смех, их страх – всё было так понятно. Ифрилиейцы, вечные странники в красном сумраке своей системы, наконец нашли братьев по разуму. Они выучили гортанный земной язык, слушали легенды у костров, делились знаниями. Люди с гордостью показывали им своё ночное светило – Луну. «Наша красавица», – говорили они, слагая о ней песни.

Но они утаили от людей главное – дар своей крови. Способность по своей воле стать зверем, сохраняя разум. Казалось, людям ещё рано знать о такой силе...

Тарр сжал кулак. Он вспомнил рассказ старого Нарра о той первой, роковой ночи много веков назад. Лунный диск, неестественно большой и яркий, висел в небе, словно холод-

ное, немигающее око чудовища, и двое ифрилийцев – Нарр и Кирон, мирно беседовавших с вождём местного племени...

И тут случилось страшное – Кирон, проводивший рядом с людьми больше всех времени, вдруг замер. Он стоял, запрокинув голову, будто внимая тихой, ядовитой музыке звёзд. Потом раздался тот звук – влажный хруст ломающихся и перестраивающихся костей, тканей, рвущейся плоти. Это был не контролируемый сдвиг. Это была мука.

На глазах у онемевшего племени людей из тела Кирона выросло то, что они скрывали от них. Шерсть, вставшая дыбом, клыки, обнажённые в немом рыке. И глаза... Разумный, ясный взор товарища помутнел, вытесненный жёлтым, горячим пламенем слепой ярости. Это уже не был Кирон. Это было чудовище, которое тихо рычало, жадно втягивая воздух, полный запаха человеческого страха.

Люди стояли, парализованные ужасом. Их вождь, мужчина с лицом, будто высеченным из дерева, прошептал Наару:

– Что это? Что нам делать?

– Не шевелитесь, – сквозь стиснутые зубы процедил ифрилиец, не отводя взгляда от зверя. – Я разберусь.

Чудовище, словно получив приказ, рванулось вперёд – на вождя. Но тут между человеком и когтями встал Наар. Его собственное превращение было мгновенным и яростным – не мукой, а взрывом воли. Где секунду назад стоял воин, теперь вздымался другой исполин, но в его глазах горел холодный, осознанный гнев.

Два монстра сошлись в схватке, от которой дрожала земля. Люди, сорвавшись с места, с криками разбежались в лес. Наар, сильнее и опытнее, прижал обезумевшего Кирона к земле, его лапа легла на горло.

– Кирон! Очнись! – его рык был полон не только силы, но и боли.

В ответ – только хрип и безумный, ничего не видящий взгляд. И тогда Кирон, с невероятной силой отчаяния, вырвался. Он отпрянул, жалобно взвыл и исчез в ночной чаще. Наар так его больше и не видел.

А потом это стало повторяться. Сначала редко. Потом всё чаще. Луна, эта «невинная красавица», методично выжигала их разум, оставляя лишь тюрьму из плоти и инстинктов.

Глухой стук. Лифт достиг дна. Двери разошлись беззвучно, и воспоминания разлетелись, как дым.

Лаборатория Зифана была не похожа ни на что земное. Воздух пах озоном и стерильной чистотой. Стены светились тем же приглушённым синим светом, на фоне которогоплыли голографические схемы двойных спиралей ДНК – земной и ифрилийской. В центре, под лучом мощного спектрального анализатора, лежал образец лунного реголита, мерцавший холодным, обманчиво нежным светом.

Зифан стоял над ним, сгорбившись. Он не просто смотрел в микроскоп – он вглядывался, словно пытался разглядеть в этом камне что-то новое. Его пальцы порхали над сенсорной панелью планшета, заноса данные. Он был так поглощён, что

вздрогнул всем телом, когда раздался голос.

– Зифан!

Учёный резко обернулся. Его глаза, большие и слишком яркие для вечно уставшего лица, были пусты. Он смотрел сквозь Тарра, всё ещё находясь там, в микромире ядовитых кристаллов.

– Что? Тарр, это ты? – он моргнул, и взгляд прояснился.
– Прости. Я слишком увлёкся. Не заметил, как ты вернулся.

– Снотворное сработало? – спросил Зифан, уже деловито оглядывая бесчувственную ношу на плече Тарра.

– Да, – голос Тарра прозвучал хрипло из динамиков шлема. – Но не сразу. Организм сопротивлялся. Пришлось вырубить по-старинке. Надежда есть?

Зифан медленно, устало провёл рукой по лицу.

– Ты же знаешь ответ. Всё зависит от глубины поражения мозговых структур, от времени, проведённого в форме... от силы воли, которая там, внутри, ещё осталась. – Его голос был ровным, профессиональным, но Тарр слышал в нём ту же самую, знакомую до боли, усохшую надежду. – Если связь разорвана безвозвратно... ты знаешь процедуру. А пока – в клетку. Я начну сканирование.

Он кивнул в сторону массивной конструкции из полированного тёмного металла. Решётки были не просто сталью – они мерцали тем же синим светом, что и стены, будучи пронизаны сдерживающими полями.

Тарр шагнул внутрь, опустил тяжёлое тело на пол. Шерсть

была колючей и влажной. Под ней всё ещё стучало сердце. Он вышел и нажал ладонью на руну, вписанную в панель у входа. Решётки сошлись с тихим гулким звоном – звуком тюрьмы и последнего шанса одновременно.

Зифан уже приближался с портативным сканером, его лицо вновь стало маской сосредоточенности. Но Тарр не ушёл. Он стоял, наблюдая, как его старый друг, учёный, последний лучший ум Ифрилии, готовится к очередной битве. Не с монстром из плоти, а с монстром из безмолвного лунного света, засевшим в клетке из костей и генов. И оба они знали – цена поражения в этой битве измеряется не в килоджоулях, а в пуле, которую, возможно, снова придётся выпустить Тарру.

Глава третья: Пробуждение.

Тишину лаборатории нарушил лишь едва уловимый гул анализатора. Зифан склонился над сканером, его пальцы замерли в сантиметре от сенсорного поля. Багровый луч вырисовывал в воздухе голографический клубок разорванных спиралей и тревожных, мигающих рун.

Тарр стоял неподвижно, как изваяние. Его взгляд, был прикован к лицу учёного. Он читал в нём знакомую до боли историю: надежду, затаившую дыхание, и неизбежное разочарование, которое вот-вот должно было стереть всё остальное.

– Ну? – голос Тарра прозвучал хриплым шёпотом.

Зифан вздрогнул, словно возвращаясь из далёкого путешествия в глубины генома.

– Облучение... мощное. Но здесь... – он ткнул пальцем в мерцающую аномалию среди голограммы, – здесь что-то не так. Искажение полей. Такого я ещё не видел. Я не уверен, что наши протоколы сработают.

В груди Тарра что-то холодное перевернулось.

– Шанс есть. Всегда. Мы обязаны попробовать.

– Обязаны, – без особой веры повторил Зифан, его глаза снова стали пустыми и острыми, как скальпель.

В клетке что-то шевельнулось. Грузное тело волколака дрогнуло, издав низкий, хриплый стон. Зверь с трудом под-

нялся на дрожащие лапы. Мутные жёлтые зрачки метнулись по сторонам, зацепились за фигуры за решёткой. И тишину разорвал рык – растерянный, полный животной боли.

– Время пришло, – пробормотал Зифан и шагнул к панели управления.

Его пальцы коснулись светящихся рун. В ответ с глухим нарастающим гулом ожил Подавитель. Сферическое устройство, напоминающее стальное соцветие с сердцевиной из тёмного кристалла, опустилось над клеткой. От него пахло озоном и статикой.

Зверь почуял угрозу. С рефлекторной яростью он рванулся вперёд и всей своей массой обрушился на прутья. Синее свечение сдерживающего поля вспыхнуло ослепительной вспышкой. Чудовище отбросило назад, шерсть задымилась. Оно бросалось снова и снова, и каждый удар отзывался в Тарре глухим эхом старой жалости.

Гул Подавителя достиг пика, превратившись в оглушительный, пронизывающий визг. Воздух в клетке засверкал, заполнился мелкими, ядовито-синими молниями. Они жгли не плоть – они жгли самую суть, пагубный паттерн, вшитый лунным светом.

Волколак взвыл. Это был крик абсолютной, невыносимой агонии. Он бился о пол, скрёб когтями по собственному телу. А потом силы оставили его. Он рухнул, беззвучно захлёбываясь. Гул пошёл на спад, молнии угасли. Воцарилась тишина, густая и звонкая.

Оба ифрилийца замерли. Тело в клетке не двигалось.

– Жизненные показатели... стабильны, – монотонно прочёл Зифан. – Но молекулярная последовательность... Без изменений. Паттерн закреплён. – Он отвернулся, его плечи сгорбились. – Всё. Мы сделали, что могли.

Тарр ничего не сказал. Его рука потянулась к бедру, к массивному, угловатому пистолету. Звук заряжаемого патрона – особого, предназначенного для милосердного забвения – прозвучал в тишине громче любого выстрела. Он поднял пистолет, прицелился в висок спящего зверя.

– Прости, брат, – прошептал он, и в его голосе была только бесконечная, вымерзшая пустота долга.

Тело в клетке дёрнулось. Судорожно, беспомощно. Затем – снова.

– Тарр! – голос Зифана сорвался на крик. Учёный впился в экран. – Последовательность! Она... она меняется! Смотри!

Тарр опустил пистолет. На гладкой шерсти появились проплешины, обнажая бледную кожу. Кости затрещали тихим шелестом перестройки. Массивный костяк съёживался, конечности укорачивались, когти втягивались. Морда, искажённая звериным оскалом, словно таяла, сглаживаясь в черты лица – нос, подбородок, скулы. Через несколько минут, показавшихся вечностью, на полу клетки лежал не зверь, а человек. Молодой мужчина, худой и бледный. Он дышал ровно и глубоко.

– Получилось... – выдохнул Зифан, и в этом выдохе смешались изумление, триумф и острая тревога.

Тарр молча убрал оружие. Его пальцы коснулись руны. Путь разошлись. Он вошёл внутрь, сбросил с плеч плотный плед и укрыл обнажённое тело. Лицо было незнакомым.

– Когда он очнётся?

– Не раньше, чем через несколько часов. Отнеси его в жилой отсек. Мне нужно всё проанализировать. Это прорыв.

Душа Тарра дрогнула. В ней вспыхнул тёплый, почти забытый огонёк — радость. Он бережно взвалил тело на плечо.

«Ещё одна жизнь. Ещё одна душа, вырванная из когтей проклятия».

Но тут же выползла тень сомнения. Почему лицо было таким... чужим?

В жилом модуле он уложил мужчину на койку и по протоколу заблокировал дверь.

В оружейной он позволил себе расслабиться. Последовательность команд, отточенная веками: шипение расстегиваемых гермоузлов, лёгкий скрежет отходящих пластин. Экзоскелет замер на стойке. Из-под него вышел Тарр.

Его кожа была бледной, почти фарфоровой. Мускулатура – мощная, рельефная. Несмотря на многочисленные схватки, на лице и теле не было не единого шрама, благодаря ещё одному дару его народа – невероятной регенерации. Он провёл рукой по грубой щетине. В отражении от полированной поверхности зеркала, на него смотрели глаза янтарно-

го цвета. Глаза иффрилийца. Глаза волка. Натянув простой тёмно-серый комбинезон, он направился обратно в лабораторию.

Вернувшись, он застал Зифана сторбленным над образом лунного реголита.

– Что-то нашёл?

Зифан медленно обернулся. Его глаза были красными от напряжения.

– Нет, ничего. Только вопросы. Ильменит, оливин, анортит... банальный состав. Не пойму, как солнечный свет, отраженный от этого камня, вызывает неконтролируемое превращение? Это невозможно! Но он действует. Почему? Я чувствую, что ответ в чём-то ином, Тарр. Он глубже.

Рассвет в убежище отмечался лишь едва заметным смещением искусственного освещения. Тарр и Зифан стояли перед дверью.

– Узнаёшь его?

Тарр отрицательно качнул головой.

Зифан поднёс к носу спящего ампулу с резко пахнущей солью. Тот сморщился и открыл глаза.

И Тарр почувствовал, как ледяная рука сжала его сердце. Глаза. Они были другими. Они были карими. Обычными, человеческими, карими глазами, полными страха.

– Где я? Что происходит?

– Ты в безопасности, – автоматически произнёс Тарр. –

Как тебя зовут? Ты помнишь?

Человек отстранился, его взгляд метался по странной комнате без окон.

– Я... Сергей. Где я? Почему здесь так темно? Это... больница?

Темно? Тарр и Зифан переглянулись. Для их зрения помещение было залито мягким светом.

– Сергей? – переспросил Зифан, и в его голосе прозвучала растерянность. – Ты не понимаешь, где находишься?

Сергей с ужасом окинул взглядом футуристичную эстетику убежища.

– Это... космический корабль? Вы... пришельцы?

Тарр ощутил, как почва уходит из-под ног.

– Ты правда ничего не помнишь. Это лаборатория. Я – Тарр. Охотник. Я нахожу таких, как ты, тех, кого поразили лунный свет, и возвращаю их к нормальной жизни. А это Зифан. Он лечит нас.

Сергей слушал, и его глаза становились всё шире от ужаса и... надежды?

– Вы... вылечили меня? От... оборотничества? От проклятия? Значит, это конец? Я больше не буду превращаться в полнолуние? Не буду прятаться в подвале?

«Оборотничество». «Проклятие». Слова ударили Тарра, как пощёчина.

– Как ты смеешь... – его голос низко зарычал. – Это не проклятие! Это наша суть! Наш дар!

– Тарр! – резко оборвал его Зифан. Учёный пристально смотрел на Сергея. – Подожди. Сергей, скажи... когда с тобой это случилось в первый раз?

Сергей, съёжившись, заговорил быстро:

– Полгода назад... Меня похитили. Какие-то люди. Не помню... очнулся дома. Потом полная луна. Боль. Кости... Я очнулся в лесу. Голый. На руках... кровь. А потом в новостях... про женщину. Я понял. С тех пор каждое полнолуние – клетка в подвале. Но вчера... видимо, я вырвался.

В лаборатории повисла ледяная тишина. Зифан медленно поднялся. Его лицо было пепельно-серым.

– Тарр. Нам нужно поговорить. Сейчас.

Они вышли в коридор. Дверь закрылась.

Тарр впился пальцами в холодный металл стены.

– Что это значит, Зифан? Он... человек? Но как?

Учёный закрыл глаза. Его голос был безжизненным.

– Это значит, Тарр, что наша война только что изменилась. Иффрилиец не мог забыть свою суть. Не мог назвать её проклятием. Его глаза... не могут быть карими. – Он открыл глаза, и в них горел холодный ужас. – Луна теперь не единственный наш враг.

Глава четвёртая: Новый день.

Тишина в коридоре жилого блока была густой, звонкой, нарушаемой лишь навязчивым писком датчиков. Зифан, наконец, разомкнул губы, и его голос прозвучал сухо, как шелест лабораторной плёнки.

– Мы должны обдумать, то что мы сегодня узнали. Но наша цель неизменна. Луна. Этот... землянин – аномалия. Его ДНК, данные с Подавителя... Искажение в генетическом паттерне. Это может быть ключом. Или новой ловушкой.

– Хорошо, займись расшифровкой, – голос Тарра был низким, обтесанным годами. Он сжал кулак, и в полумраке на мгновение вспыхнули янтарные точки его зрачков. – А я разузнаю у нашего «гостя» всё, что он знает о своих похитителях. Если они брали его, то брали и других. Мы найдём их.

Зифан молча кивнул, его взгляд уже уплывал в сторону лаборатории, к мерцающим голограммам. Тарр же развернулся и шагнул обратно в комнату.

Сергей сидел на краю койки, укутавшись в серебристое термоодеяло. Он не смотрел на дверь. Его взгляд, эти чужие, человеческие карие глаза, был прикован к собственным рукам, будто он впервые видел на них кожу, а не шерсть. Он даже не вздрогнул от звука шагов.

– Сергей.

Человек медленно поднял голову. В его взгляде была не

пустота – там бушевала тихая, ледяная паника, придавленная шоком.

– Тарр... Извини. Я... пытаюсь собрать пазл. Похищение. Боль. Клетка в подвале. А теперь... вы. Инопланетяне. Лаборатория. Можно спросить?

– Говори.

– Вы сказали... вы спасаете своих. От луны. Но вы не лечите их от этого... – он запнулся, боясь снова сорвать гнев ифрилийца, – ...от зверя. Значит, что вы делаете? Просто ловите и... запираете?

Тарр прислонился к стене, скрестив руки. Синий свет стен мягко ложился на резкие черты его лица.

– Мой народ не болеет, Сергей. Наша вторая форма – это дар. Воля. Мы перестраиваем материю, сохраняя разум. Мы – хозяйева. Но ваш спутник... Он ломает замок между сознанием и инстинктом. Зифан ищет способ починить этот замок. Вернуть контроль. А я нахожу тех, чей замок сломан, и привожу их сюда. Для ремонта. Или... для последнего освобождения.

Сергей содрогнулся, представив не планету воющих на луну тварей, а цивилизацию воинов, столетиями сражающихся с невидимым генетическим ядом в собственном теле.

– Но я... я не с вашей планеты. Я землянин. Родился здесь. Как это возможно?

– Именно это и не даёт мне покоя, – голос Тарра стал опасным, тихим. – За тысячу лет я не видел ничего подобного.

Ответ — в тех, кто взял тебя. Где это было?

— Старый трубопроводный завод. На окраине. В промзоне, — Сергей выдохнул, и в его голосе впервые пробились не растерянность, а хриплая злость. — Я помню вонь мазута и ржавые фермы.

— Мы их найдем, — Тарр оттолкнулся от стены. Его утверждение прозвучало не как обещание, а как приговор. — Ты этого хочешь?

В карих глазах вспыхнул тот же огонь. — Хочу. Чтобы они не сделали этого с другими. Чтобы никто больше не просыпался в лесу... с кровью на руках.

— Но, сначала, — Тарр нарушил напряжённую паузу, — тебе нужны одежда и пища. Ты пахнешь страхом, потом и городской грязью. Это мешает.

Желудок Сергея предательски заурчал, напоминая, что последний раз он ел в другой жизни. «Да и одеться не мешало бы», — с горькой иронией подумал он.

Коридор, тускло светящийся синим, вёл к двери, отмеченной извилистыми рунами. Внутри царил стерильный порядок: ряды шкафчиков из матового металла, а в глубине — кабины для гигиены, больше напоминающие дезинфекционные шлюзы.

— Здесь. Должно подойти, — Тарр открыл один из шкафов, достав комплект простой одежды из плотной ткани. — Там душ. Вода рециркулированная, но горячая. — Он махнул рукой в сторону кабин и вышел, оставив Сергея наедине с гу-

лом вентиляции.

Пока Сергей мылся, Тарр удалился в свою каюту. Он снял серый комбинезон и быстро облачился в земную одежду: простые чёрные джинсы и тёмную футболку. Последним аккордом стали очки – не прибор с интерфейсом, а обычные, с затемнёнными стеклами. В них его янтарные глаза терялись, а резкие черты лица смягчались.

Горячий поток смыл с Сергея не просто грязь – он словно смывал слой кошмара. Облачившись в тёмные, джинсы и серую футболку с рукавами, он почувствовал призрачное подобие нормальности.

Выйдя в коридор, Сергей с трудом узнал Тарра. Разница была разительной: исчезла аура нечеловеческой, сдержанной мощи. Теперь Тарр выглядел... опасным, но по-земному.

– Теперь в столовую, – сказал Тарр. – Надо восстановить силы. А потом нужно вернуться к Зифану.

Столовая была просторным, пустым залом, где эхом отдавались их шаги. В центре стоял агрегат, похожий на гибридный реактор и кухонный автомат. Тарр провёл пальцем по сенсорной панели, и с тихим шипением из порции выдвинулся поднос. Еда выглядела обманчиво привычно: густая питательная паста, протеиновый брикет, похожий на мясо, и прозрачный напиток.

Пока Сергей ел, его взгляд скользил по бесконечным рядам пустых столов.

– Тарр... Здесь всё рассчитано на сотни. Но вас... вас двое. Куда делись все?

Тарр отставил свой стакан. Его движение было резким.

– Это одно из убежищ. Их было много. Многие мои сородичи... сдались. Вернулись на Ифрилию – лишь бы не видеть этого проклятого спутника. Остались лишь те, кто ещё готов бороться. Или те, кому уже некуда отступить. – Он помолчал. – Зифан нашёл способ лишь недавно. Но он хрупок.

– Но как ты ловил их... нас... под луной? Она же действует на всех, в том числе и на тебя?

– Экзоскелет, – Тарр слегка коснулся своей груди, будто чувствуя под тканью память о броне. – Его оболочка – не просто броня. Это фильтр, щит. Он отражает специфический спектр лунного излучения. Ни одна ткань, ни одно земное здание не даёт такой защиты. Только здесь, под землёй, за полями, которые мы сами создали, есть безопасная гавань.

Они вернулись в лабораторию. Зифан стоял, уткнувшись в мерцающий веер голограмм, где танцевали разорванные спирали ДНК. Сергей невольно бросил взгляд на массивную клетку и нависавший над ней Подавитель. По спине пробежал холодок – он помнил этот жгучий визг на грани сознания.

– Зифан? Есть прогресс? – спросил Тарр.

Учёный обернулся. Его глаза были красными от напряжения, но в них горел странный, лихорадочный огонь.

— Данные... противоречивы. Лунный паттерн в его клетках есть, но он наложен искусственно. Как шрам на здоровой ткани. И он... грубее. Примитивнее. Это не естественная мутация. Это вмешательство. — Его взгляд упал на Сергея. — Вы выглядите лучше. Но это лишь видимость. Подавитель очистил поверхностное заражение. Он не переписывал ваш фундамент. К тому же он не рассчитан на человеческую биологию. Мы не знаем, что будет в следующее полнолуние.

Сергей почувствовал, как пол уходит из-под ног. — Значит... это может повториться? Я снова стану тем... чудовищем?

— Не здесь, — твёрдо сказал Зифан. — В этих стенах — нет. Чтобы помочь тебе, нам нужен источник. И он кроется в тех, кто это сделал. Нужно их найти.

— Мы найдём, — повторил Тарр, и на этот раз в его голосе звучала не только решимость, но и тень чего-то древнего и хищного.

Тарр и Сергей направились к лифту в конце коридора. Он нажал на самую верхнюю руну на светящиеся консоли. Кабина с лёгким гулом понеслась вверх, прочь из сияющих глубин.

Двери разъехались в тусклой подсобке особняка, пропуская запах пыли и старого дерева. Тарр отодвинул тяжёлую деревянную стеллаж, которая оказалась потайной дверью.

За ней открылся гараж — бывшая каретная. Дневной свет,

приглушённый грязными окнами под потолком, падал на мощный чёрный внедорожник с тонированными стёклами.

Тарр щёлкнул брелоком. Машина отозвалась тихим, уверенным гулом. Они сели внутрь.

Когда массивные ворота поползли вверх, в салон ворвался ослепительный поток дневного света. Тарр инстинктивно скривился, и его рука потянулась к переносице, будто поправляя несуществующий шлем визора. Даже сквозь фильтр очков земной день был для него слишком ярок. Он резко опустил солнцезащитный козырёк.

– Покажи дорогу, – сказал он, и чёрный автомобиль, с низким рёвом вырвавшись из тени особняка, растворился в потоке городского дня, унося их навстречу призракам прошлого Сергея.

Глава пятая: Чужой след.

Чёрный внедорожник плыл в гуще бесконечного трафика, тонув в рокоте двигателей и гудках клаксонов. Город днём был другим существом – не таинственным лабиринтом теней, а шумным, пыльным муравейником. Солнце, бледное сквозь плёнку смога, отражалось в стеклянных фасадах небоскрёбов, слепило глаза. Воздух дрожал от жары, раскалённых асфальтовых испарений и выхлопов. Всюду – толчея, спешка, металлический гул.

Сергей молча смотрел в окно на этот знакомый и вдруг чужой пейзаж. После тишины убежища городской гам оглушал. События последних суток сдавили сознание свинцовым прессом – мучительное превращение, спасение, инопланетное убежище, а теперь ещё и охота на призраков. Он бросил украдкой взгляд на Тарра. Тот сидел за рулём, неподвижный, как скала, его затемнённые очки скрывали взгляд. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь тонированное стекло, ложились на его бледные, лишённые морщин скулы.

«Сколько ему лет на самом деле? – пронеслось в голове Сергея. – Он говорил о веках борьбы. Внешне – крепкий мужчина лет сорока пяти, не больше. И ни единого шрама... ни царапины...странно»

Тарр свернул на заправку известной сети – бетонное сооружение, пропахшее бензином, жареным с фаст-фудной

кухни и резиной. Машина замерла у колонки. Ифрилиец молча вышел – его тёмная, неброская одежда сливалась с толпой таких же усталых, спешащих людей. Со стороны – просто суровый мужчина, а не последний воин падшей инопланетной расы. Сергею захотелось отвлечься, ухватиться за что-то простое, земное. Он вышел вслед, намереваясь купить в круглосуточном магазине при заправке хоть что-нибудь – кофе, булочку, что угодно, что пахнет этой грубой, шумной нормальностью, а не стерильным ужасом убежища.

Магазин был тесным и душным, пропахшим дешёвым кофе, пластиком и чипсами. Внутри, возле единственной кассы, столпилось несколько человек в потёртой рабочей одежде и дешёвых куртках. Их лица были искажены раздражением. В центре бури, загораживая проход, стоял нагловатого вида тип в кислотно-зелёной куртке из искусственной кожи. Он что-то яростно доказывал Тарру, возмущенно размахивая руками.

«Слишком храбрый. Или слепой», – холодно констатировал про себя Сергей. Он знал это не по рассказам. Он лишь смутно помнил – тяжёлое, обмякшее тело, чужую, стальную силу, подхватившую его из грязи переулка. Он сам был той самой двухсоткилограммовой тушей, которую Тарр нёс на себе, как тюк. Видел он это лишь отголосками, сквозь пелену звериного безумия, но этого было достаточно. Этот кричащий тип был для Тарра не опаснее комара.

Подойдя ближе, Сергей расслышал разговор сквозь гул

вентиляции:

– Ты что, глухой?! У меня обед десять минут! Какая ещё очередь, мне наплевать! – голос мужчины был сиплым от крика.

Тарр стоял, скрестив на груди мощные руки. Его бледное, словно высеченное из мрамора лицо не выражало ровно ничего. Спокойствие ифрилийца, казалось, разъедало хама сильнее любой грубости.

– Встанешь в конец. Или я вышвырну тебя на улицу, – произнёс Тарр. Его голос был тихим, плоским и оттого леденящим. Он перекрывал фоновый гул, словно низкочастотный резонанс.

– Ах ты ж..., да я тебя! – мужчина взвизгнул и внезапно бросил в лицо Тарру скомканный кулак.

Раздался не громкий удар по лицу, а глухой, влажный шлёпок. Кулак исчез в железной ловушке ладони Тарра. В тесном пространстве воцарилась абсолютная тишина, нарушаемая лишь назойливым писком терминала.

Тарр слегка сжал пальцы. Хруст костей прозвучал приглушённо. Мужчина завизжал нечеловеческим голосом и беспомощно обхватил повреждённую кисть.

Дальше всё произошло слишком быстро. Тарр двинулся вперёд, его рука вцепилась в кислотную куртку хама. Автоматическая стеклянная дверь распахнулась от удара спиной. На мгновение на фоне грязного неба и рекламных баннеров мелькнуло беспомощное тело, а затем раздался тяжёлый

звук падения на мокрый от недавнего дождя асфальт.

Внутри магазина кто-то сдержанно присвистнул. Кассирша, девушка с усталым лицом, смотрела на Тарра широко раскрытыми глазами, с плохо скрываемым восхищением.

– Сорок литров девяносто пятого. Пожалуйста, – сказал Тарр, его голос снова стал обыденным.

– Д-да... конечно, сейчас! – девушка засуетилась, её пальцы замелькали на клавишах кассы.

Тарр кивнул, взял чек и развернулся к выходу. Сергей, забыв о своих намерениях, последовал за ним.

На улице, в луже из машинного масла и дождевой воды, копошилась жалкая фигура.

– Я тебя запомнил, ублюдок! Я тебя найду! – хриплый вой нёсся им вдогонку.

Тарр не удостоил угрозы даже взглядом. Он сел за руль, в его движениях не было ни злости, ни удовлетворения – лишь привычная, отработанная эффективность. Сергей молча последовал его примеру. Внедорожник тронулся с места, мягко вливаясь в поток машин и потрёпанных грузовиков, и вновь растворился в артериях мегаполиса.

Ехать пришлось долго, через весь город, к самым промышленным окраинам, туда, где небоскрёбы сменялись унылыми коробками складов, а реклама – ржавыми вывесками. Завод.

Он предстал перед ними как гигантская, забытая рана на теле города. Высокий бетонный забор, покрытый слоя-

ми граффити и поблёкшими объявлениями, венчала ржавая корона из колючей проволоки. За ним, словно гнилые клыки, чернели остовы цехов, ржавые трубы и каркасы умерших конвейеров. На воротах кричала выцветшей краской надпись: «ЗАКРЫТО. Частная собственность. Вход воспрещён».

Тарр заглушил двигатель. Тишина, наступившая после городского гула, была гулкой и зловещей.

– Здесь? – спросил он, уже снимая очки.

– Да... – Сергей кивнул, сжимая руки в кулаки. – Шёл с ночной смены из соседнего логистического центра. Недалеко отсюда, метров за триста. Мешок на голову, укол... Очнулся уже дома.

– Покажи точное место. И выйдем. Мне нужно почувствовать воздух.

Они вышли из машины. Резкий запах ржавчины, пыли и чего-то химического ударил в нос. Сергей повёл Тарра вдоль забора, к тому участку дороги, где тротуар обрывался в зарослях бурьяна.

– Где-то тут... Я шёл по этой стороне.

Тарр остановился, закрыл глаза на секунду, затем медленно, снова и снова втянул носом воздух. Его ноздри трепетали, улавливая невидимую картину. Перед его внутренним взором разворачивалась другая реальность – сложная, многослойная карта запахов, недоступная обычному человеку. Пыль, гниющая трава, старое масло. И поверх – свежие,

резкие ноты: человеческий пот, следы резины, лёгкий химический шлейф, отдающий антисептиком и... чем-то металлическим, чуть сладковатым. Ни намёка на знакомый, чуть горьковатый аромат ифрилийской крови. Он опустил на одно колено, внимательно изучая землю. Глаза Сергея видели лишь пыль и щебень, но для Тарра грунт был испещрён следами – смазанными отпечатками грубых ботинок и чёткими, глубокими бороздами от шин внедорожника. Следы петляли, но их общее направление вело обратно к воротам завода.

Тарр поднялся, его лицо было напряжённой маской сосредоточенности.

– Они здесь. Или были прошлой ночью. – Он кивнул в сторону высоких ворот. – Нужно попасть вовнутрь. Следы ведут туда.

Сергей с неуверенностью посмотрел на массивные створки и колючую проволоку поверху.

– Как? Ворота на мощном замке, забор с колючкой.

– Жди здесь, у машины, – коротко бросил Тарр, его взгляд уже оценивал высоту ограды. – Не приближайся к воротам. Если что-то пойдёт не так – уезжай. Координаты убежища запрограммированы в навигаторе.

Не дожидаясь ответа, ифрилиец отошёл на несколько шагов, окинул быстрым взглядом пустынную трассу. Убедившись, что за ними не следят, он сделал мощный, пружинистый толчок. Его тело на мгновение оторвалось от земли,

взмыло вверх с неестественной, хищной грацией и бесшумно исчезло за зубчатым гребнем забора.

Сергей остался стоять у чёрного внедорожника, чувствуя, как холодный ветер с промзоны пробирает его под тонкую ткань футболки. Он был снаружи. Снова в роли жертвы, ожидающей исхода охоты. Гнёт этого ощущения был почти физическим.

По ту стороны ограды открывался апокалиптический пейзаж. Мёртвая территория, поглощаемая природой. Асфальт растрескался, из щелей пробивалась чахлая трава. Повсюду валялись обломки кирпича, ржавые железные балки, битое стекло. Тарр замер, снова втягивая воздух. Цепочка запахов, острая и ясная, вела к главному зданию – огромному, мрачному корпусу из красного кирпича с гигантскими, давно разбитыми окнами.

Массивные ворота склада, покрытые слоями ржавчины и похабных росписей, были приотворены на сантиметр. Тарр прислушался. Тишина. Лишь завывание ветра в пустотах и шорох чего-то мелкого в мусоре. Он толкнул створку плечом. Металл издал протяжный, душераздирающий скрежет, будто крича от боли, и подался, открывая чёрный зев внутреннего пространства.

Внутри пахло столетиями пыли, сырости и тлена. Лучи тусклого света, пробивавшиеся сквозь разбитые окна под самой крышей, выхватывали из мрака громадные пустые пространства, колонны, покрытые паутиной. Но для Тарра эта

тьма была прозрачной. Он снял очки, и в глубине глазниц вспыхнули два жёлтых, фосфоресцирующих уголька. Пол под ногами был испещрён следами – отпечатками грубых ботинок и глубокими бороздами от шин. Они вели в самую глубину цеха, к глухой, ничем не примечательной стене.

«Хм... Тупик? Вряд ли...»

Он подошёл ближе, его ноздри снова затрепетали. Запах концентрировался здесь – человеческий пот, металл, что-то химическое, лекарственное. И ещё – слабый, едва уловимый запах крови. Его пальцы скользнули по шероховатой бетонной поверхности, пока не нащупали едва заметный выступ, небольшую металлическую пластину, стёршуюся почти вровень со стеной. На ней не было пыли.

Тарр надавил.

Раздался низкий, подземный гул. Часть бетонного пола прямо перед стеной – идеальный, ничем не выделяющийся квадрат – содрогнулась и медленно, со скрежетом, поползла в сторону. Вниз, в чёрную бездну, посыпалась пыль. Открылся проход. Узкая металлическая лестница, уходящая в непроглядный мрак, откуда потянуло холодом и запахом... стерильности. И страха.

Не колеблясь ни секунды, Тарр шагнул вниз. Его тёмная фигура растворилась в провале, словно призрак, возвращающийся в склеп.

Спуск казался бесконечным. Наконец, ступени закончились. Прямо перед ним был длинный, прямой туннель, об-

лицованный гладким, холодным материалом. Он сделал шаг вперёд – и мир взорвался светом.

Ослепительные люминесцентные лампы на потолке вспыхнули разом, захваченные датчиком движения. Тарр резко зажмурился, его рука инстинктивно потянулась к очкам. Даже через закрытые веки свет резал, как лезвие. Надев очки, он продолжил путь.

Туннель вскоре вывел в огромное подземное помещение, напоминающее ангар на военной базе, но пустой, почти. Повсюду – следы спешки. Опрокинутые пластиковые контейнеры, смятые бумаги, разбросанные кабели. На полу – чёткие полосы от шин тяжёлой техники. В воздухе висел запах антисептика, озона и... чего-то сладковато-приторного, органического.

И кровь. Её запах был здесь сильнее. Тарр увидел тёмные, бурые брызги на стене у массивных откатных ворот. Несколько капель, уже подсохших, на сером полу.

На противоположной стене, нанесённая краской или выжженная, красовалась лаконичная, ничего не говорившая ему надпись: «ZYGOREX».

«Что вы здесь делали?» – мысль пронеслась холодной искрой. Его взгляд упал на ряд дверей. Одна из них, более массивная, напоминала лифт. Он подошёл, нажал кнопку. Двери разъехались беззвучно, открыв пустую кабину.

Тарр вошёл внутрь. Панель с кнопками показывала лишь три уровня: этот, и ещё два ниже. Он нажал на кнопку самого

нижнего уровня отмеченный цифрой «-3».

Двери закрылись. Лёгкий толчок, и кабина, с тихим гулом, начала неумолимое движение вниз, унося его в самое сердце тайны заброшенного завода.

Глава шестая: Объект ноль.

Лифт опускался мучительно медленно, с тягучим гулом, будто плыл сквозь плотные слои времени. После стремительных лифтов убежища эта неторопливость казалась неестественной, настораживающей. Тарр стоял неподвижно, слушая скрежет шестерён и отсчитывая в уме уровни. Каждый метр вглубь земли сжимал тиски тревоги.

Наконец, с сухим шипением пневматики, двери разъехались.

Его встретил длинный, прямой коридор, уходящий в обе стороны. Освещение – белый, бездушный люминесцентный свет, – неровно мигало, отбрасывая прыгающие тени. Картина была хаотичной и красноречивой: пол, усыпанный оборванными кабелями и смятыми листами бумаг; опрокинутые тележки с битым стеклом; тёмные, бурые брызги на стенах и на полированном полу. Много брызг. И тела. Человеческие фигуры в белых халатах и форме охраны лежали в неестественных позах. Стены были испещрены дырами от крупнокалиберных пуль и – что было хуже – глубокими, параллельными бороздами, словно по металлу провели гигантскими когтями.

Тишина. Густая, звонкая, нарушаемая лишь назойливым жужжанием повреждённой лампы где-то вдалеке.

«Самопровозглашённые творцы, столкнувшиеся с соб-

ственным творением лицом к лицу, – пронеслось в голове Тарра, холодной и тяжёлой мыслью. – Вы лепили из глины демонов, не зная, как вызвать в них душу. Или зная, но не заботясь об этом». В груди шевельнулось давнее, гложащее чувство вины. Он вспомнил слова Сергея: «Проклятие». Для этих людей, для него – да. Не дар, не суть, а именно проклятие. И кто-то решил поставить его на поток, сделать оружием.

Он замер, заставив свои чувства работать на пределе. Ноздри трепетали, фильтруя воздух. Запах пыли, озона, антисептика, железа и тления. Свежих следов людей или ифрилийцев – нет. Но был другой, фоновый шлейф. Слабый, едва уловимый, припорошенный химией и смертью. Знакомый. Горьковатый, животный, с металлическим оттенком. Тарр напряг память. Переулок. Дождь. Серое чудовище на мокром асфальте. Да, тот самый запах, но тогда его заглушала буря и адреналин схватки.

«Значит, один из их «экспериментов» сбежал раньше, чем его должны были отпустить. Возможно, он ещё где-то здесь».

Он двинулся вперёд, ступая беззвучно, его тень, отбрасываемая мигающим светом, плясала на стенах, как призрак. Всюду читалась паника, спешка, попытка сдержать то, что уже вырвалось наружу.

Конец коридора упирался в массивную дверь. Надпись на табличке гласила: «СЕКТОР АЛЬФА: ДОПУСК УРОВНЯ IV И ВЫШЕ». Дверь не просто была открыта – её словно вы-

рвало с корнем, отшвырнув в коридор. Стальная рама была искорёжена, на ней красовались глубокие вмятины.

За ней открывался зал, напоминавший индустриальный цех, совмещённый с операционной. Ряды столов с ремнями из толстой кожи. Вертикальные прозрачные колбы высотой в человеческий рост, теперь пустые, их стекло во многих местах было разбито вдребезги, будто то, что в них находилось, рвалось на свободу с титанической силой. На полу лужицы засохшего питательного раствора, перемешанного с чем-то тёмным.

Тарр прошёл дальше, в следующую зону. И замер.

За ещё одним бронированным стеклом, в отдельной, изолированной камере, стояла она. Колоссальная цилиндрическая колба, в два раза выше его. Внутри, в полумраке мутноватой голубоватой жидкости, парила фигура. К ней вели десятки шлангов, трубок и пучков оптоволокон, пульсирующих слабым светом. Это был не просто контейнер – это был алтарь или клетка для чего-то невероятно ценного.

На двери в камеру горела лаконичная, леденящая душу надпись: «ОБЪЕКТ 0. ДОПУСК УРОВНЯ V. ПОЛНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ». Рядом мигал красный глазок считывателя.

Сердце Тарра, обычно неумолимо ровное, дрогнуло и забилось чаще. Он шагнул вперёд и со всей силы ударил плечом в стальную преграду. Глухой, сокрушительный гул прокатился по залу, но дверь лишь слегка прогнулась. Защита была на уровне шлюзовых отсеков звездолёта. Обычной си-

лы – даже его, ифрилийской – было недостаточно.

Мысль об обращении мелькнула и погасла. Земная одежда, хрупкая ткань, рвущаяся в клочья при сдвиге... Нет, ещё нет. Он отступил на шаг, сконцентрировался и нанёс серию ударов – не грубой силой, а с выверенной, калиброванной мощностью, бьющей в слабые точки креплений. Сталь скрипела, сминалась. С третьего удара раздался оглушительный треск, и многотонная створка, сорвавшись с петель, с грохотом ввалилась внутрь камеры.

И запах. Он ударил в ноздри, чистый, несмотря на химическую жидкость. Запах Ифрилии. Запах дома. Её запах.

Сердце в груди Тарра сжалось, остановившись на долгую, мучительную секунду. Он шагнул через порог, его ботинки хрустнули по осколкам сигнальной лампы. Он подошёл к колбе и поднял голову.

За стеклом, в сиянии индикаторных огней, парила Таэлира. Его Таэль. Та, которую он потерял в скандинавских лесах ночью пять веков назад. Её лицо, бледное и безмятежное в искусственном сне, было обрамлено каскадом каштановых волос, колышимых жидкостью. К вискам, груди, запястьям были прикреплены датчики, а её тело было облачено в странный, плотный костюм с вплетёнными в ткань проводниками. Но это была она. Ни один день за эти долгие столетия не стёр её черты из его памяти.

«Пожалуйста, только будь жива», – мольба, лишённая слов, вырвалась из самой глубины его существа. Его рука

медленно, почти благоговейно, поднялась и прижалась к холодному стеклу, словно пытаясь коснуться её щеки.

Ветер нёс с фьордов ледяную сырость, звонко шумел в кронах древних сосен. Тарр и Таэлира ехали верхом, тяжёлые шерстяные плащи скрывали лёгкие кольчуги, а на боку у Тарра висел длинный, прямой меч работы ифрилийских кузнецов. Лунный свет, их заклятый враг, пробивался сквозь разрывы в тучах, но они были «под прикрытием» – приняли едкую, горькую настойку Зифана, временно притупляющую чувствительность к излучению. Цена была высока: мир терял краски и объём, запахи тускнели, слух становился человеческим. Они были сильны, но слепы и глухи в своей стихии.

Таэлира откинула капюшон, и ветер подхватил её волосы. – Тарр, ты принял нейтрализатор? – её голос, обычно звонкий, сейчас звучал приглушённо, будто из-за толстой стены.

– До последней капли, – он попытался улыбнуться, но гримаса вышла напряжённой. – Не хочу стать твоей следующей целью. Хотя Зифан клянётся, что его эликсир надёжен на девяносто шесть процентов.

– Четыре процента вероятности стать монстром – это много, – она поморщилась, всматриваясь в лесную чащу. – И я ничего не чувствую. Ни страха того волколака, ни запаха крови на нём. Я как... ребёнок в крошечной тьме. Может, стоило рискнуть и надеть экзоскелеты?

– Это лишнее, – отрезал Тарр. – Слишком заметно, нас могут увидеть. Доверимся Зифану. Он говорит, работает над чем-то большим. Не эликсиром, а полем, щитом...

– Если бы этот проклятый Подавитель появился раньше, – голос Таэлиры дрогнул, – сколько бы мы спасли...

Её слова утонули в внезапной тишине. Лошади замерли, насторожив уши, и затем забились, зафыркали, закатали испуганные белки глаз. И из глубины леса, преодолевая барьер эликсира, донёсся до них звук – низкий гортанный вой, а за ним душераздирающий женский крик, полный такого чистого, леденящего ужаса, что кровь остановилась в жилах даже у них.

– Туда! – Тарр рванул поводья, и могучий жеребец рванул вперёд, сминая кустарник.

Они вынеслись на поляну. Сцена была выхвачена из самого кошмарного эпоса. На залитом лунным светом пятачке огромный, покрытый черной колючей шерстью волколак, стоя на задних лапах, приближался к прижавшейся к скале девушке в простом деревенском платье. Её лицо было белее снега, глаза – двумя бездонными озёрами страха.

– Эй! Ублюдок! – рявкнул Тарр, спрыгивая на землю.

Чудовище обернулось. Жёлтые глаза, лишённые искры разума, нашли новую цель. Оно издало хриплый рык и бросилось. Тарр двинулся навстречу, его тело, даже ослабленное эликсиром, было смертоносным инструментом. Он не стал уворачиваться – принял удар на скрещенные предпле-

чья, ощутив, как когти скрежещут по кольчужным кольцам. Мир вокруг был смазан, звуки приглушены, но сила никуда не делась. Короткий, взрывной удар снизу в челюсть – и волколак отшатнулся, оглушённый. В этот миг Таэлира, не теряя ни секунды, выстрелила из компактного арбалета. Снотворный дротик вонзился в шею зверя. Тот захрипел, сделал несколько неуверенных шагов и рухнул на землю.

Тарр уже поворачивался к спасённой девушке, когда та вдруг вскрикнула, уставившись куда-то за его спину:

– Сзади! Ещё один!

Он обернулся. Но было поздно.

Из тени деревьев, двигаясь с немыслимой для его размеров тишиной, вынырнул второй волколак. Не такой крупный, но более поджарый, с шерстью цвета мокрого пепла. Он был уже рядом. Его лапа, подобная железному клещу, обхватила Таэлиру сзади, прижав её руки к телу. А затем – быстрый, точный, хищный укус в место, где шея встречалась с плечом, прямо поверх кольчуги. Раздался звон рвущихся колец и приглушённый стон Таэлиры.

– ТАЭЛЬ! – рёв Тарра был полон такой ярости и отчаяния, что, казалось, заставил содрогнуться саму луну.

Чудовище, держа свою добычу, метнулось обратно в чащу. Тарр бросился в погоню, но его ноги были тяжёлыми, мир – туманным и бесшумным. Он слышал лишь бешеный стук собственного сердца и хриплое дыхание. Он бежал, спотыкаясь о корни, теряя след, крича её имя в немую, равно-

душную ночь. Эликсир, их защита, стал его тюрьмой. Он был силён, но слеп и глух. Он был охотником, потерявшим все свои чувства.

Он искал её сто лет. Обшарил каждый овраг, каждую пещеру от Норвегии до Балтики. Ни тела, ни клочка одежды, ни капли крови. Ничего. Она растворилась во тьме, унесённая призраком. И он смирился. Похоронил надежду в той же глубокой яме, где хранил боль утрат всей своей долгой жизни.

До этого момента. До этой стерильной камеры, до этой колбы, где она спала вечным сном, став «Объектом Ноль» для тех, кто играл в богов с проклятием его народа.

Тарр стоял, прижав лоб к ледяному стеклу. Тоска, острая и свежая, как в ту ночь, смешивалась с бешеной, кипящей яростью. Кто-то нашёл её. Кто-то сохранил. Кто-то использовал.

«Я нашёл тебя, Таэль, – прошептал он беззвучно. – Прошло пятьсот лет, но я нашёл. И теперь мы узнаем, что они с тобой сделали. И заставим их ответить».

Его янтарные глаза, горящие в полумраке, устремились на панель управления колбой, ища способ её освободить.

Глава седьмая: Зверь в тени.

Ледяное стекло колбы запотевало от его дыхания. Тарр оторвал взгляд от бледного, замершего лица Таэлиры и пере­вёл его на мерцающую панель рядом. Зелёные кривые жиз­ненных показателей были ровные, без тревожных пиков – сердцебиение, мозговая активность, организм в состоянии искусственного сна. Глубокий, почти болезненный выдох об­легчения вырвался из его груди. «Жива. Без сознания, но жива».

Его пальцы побежали по холодной сенсорной поверхно­сти. «Здесь должен быть механизм открытия. Должен. Где же ты?». Иконки, земные буквы и обозначения. Он ткнул в самую очевидную – схематичное изображение открываю­щейся капсулы. Экран мигнул красным. Сухой, бездушный текст: «ОШИБКА. ТРЕБУЕТСЯ АВТОРИЗАЦИЯ УРОВНЯ V. ПРИЛОЖИТЕ ДОПУСК».

– Чёрт! – низкое рычание вырвалось из его горла, ото­звавшись эхом в стерильной тишине камеры. Ломать колбу – слишком опасно. Неизвестно, как отреагирует питательный раствор и система безопасности. Можно не спасти, а погу­бить. «Допуск. Нужно искать среди тех бедолаг в коридоре, среди тех, кому уже он не нужен. Надеюсь, среди них есть нужный человек».

Он прижал лоб к стеклу ещё на мгновение, его шёпот осел

инеем на прозрачной поверхности:

– Я вытащу тебя. Если понадобится – разнесу эту стальную могилу по молекулам. Но вытащу.

Коридор встретил его тем же мигающим адом. Люминесцентные трубки выбивали нервный стробоскопический ритм, отбрасывая прыгающие тени с окровавленных стен. Воздух гудел от тишины, нарушаемой лишь потрескиванием повреждённой проводки. Его взгляд, острый и безжалостный, методично сканировал тела. Учёные в белых халатах, ставших саванами. Охранники в форме, бесполезно сжимающие оружие.

Кажется, это он. Человек лежал так, словно пытался укрыться от опасности, рядом валялся дорогой планшет с треснувшим экраном. «Бейджик» на груди многообещающе сообщал: «Б.А. Афанасьев. Руководитель проекта. Допуск VI».

Тарр присел на корточки, его рука потянулась к внутреннему карману пиджака. В этот момент в нос ударил резкий запах человека, а тишину разрезал едва уловимый, но предательский звук – приглушённый щелчок снятого с предохранителя пистолета и сдавленный, полный животного ужаса вдох.

– Н-не двигаться! – голос за спиной дрожал, сплетаясь из страха и отчаяния. – Медленно... обернись.

Тарр повиновался, разворачиваясь с неестественной, пугающей плавностью. Перед ним стоял молодой человек, ему

было не больше тридцати. Белый халат был порван у плеча, заляпан бурыми и алыми пятнами. Руки, сжимающие стандартный служебный пистолет охраны, тряслись так, что ствол описывал в воздухе мелкие круги. Но в его расширенных зрачках, помимо паники, жила последняя искра воли.

– Кто ты? Что ты здесь делаешь? – выдавил из себя человек, делая шаг вперёд. Запах его пота, едкий и горький от страха, ударил Тарру в ноздри.

– Я Тарр. Пришёл за ответами. И за ней, – голос ифрилийца был холоден, как металл.

– За... кем? – человек моргнул, и его взгляд наконец сфокусировался на лице незнакомца. На бледной коже, на резких чертах, на глаза, которые сейчас, в полумраке, вспыхнули тусклым янтарным свечением. Лицо человека исказилось пониманием. – Ты... ты такой же, как ОНА! Это всё из-за неё! Она приносит только смерть и страдания!

– Что вы с ней делали?! – голос Тарра превратился в низкий, грудной рык, от которого задрожали осколки стекла под ногами. Его движение было молниеносным, едва уловимым для человеческого глаза. Мгновение, и Тарр оказался рядом с человеком, затем последовал быстрый и точный удар ребром ладони по запястью – кость хрустнула, пистолет с грохотом отлетел в сторону. Железные пальцы впились в горло, поднимая тщедушное тело так, что дрожащие ноги потеряли опору. – Какие эксперименты вы проводили?! Говори!

– Я... не знаю... – хрип, бульканье. – Объекты... в Секто-

ре Альфа... под высшим грифом... я только... расчёты вторичных процессов... – лицо синело.

– Откуда знаешь, как она выглядит, что значит «всё из-за неё»? – Тарр пригнул его к земле, ослабив, но не отпуская хватку.

Человек рухнул на колени, давясь кашлем, слезы боли и ужаса текли по его щекам.

– Услышал... в столовой... – он вытер рот окровавленной рукой. – Двое из Сектора Альфа... говорили об Объекте Ноль... об экспериментах, и о «спящей красавице с глазами из солнечного камня...», что с неё всё началось и что она ключ... ключ к чему-то важному.

– Что здесь произошло, кто это сделал? – Тарр выпрямился, его тень накрыла человека.

– Один... один из объектов из Сектора Альфа вырвался, – сотрудник затрясся, обхватив себя руками. – Сигнализация... крики повсюду. Я побежал... выглянул из-за угла... – его голос сорвался на шёпот. – Это был кошмар. Он не просто убивал. Он... играл. Пули его не брали. Лапы... когти... У них не было шансов. Мне повезло, я успел спрятаться в техническом шкафу. Я сидел там до тех, пока всё не утихло...

– Где он сейчас?

– Не знаю! Клянусь! Когда я вышел, всё было кончено...

Внезапно, раньше, чем Тарр успел уловить движение или звук – сработало обоняние. Тот самый шлейф. Горький, звериный, с примесью химической сладости и свежей человече-

ской крови. За поворотом, прямо за спиной дрожащего человека.

Тарр бросился вперёд, но было поздно.

Из темноты выросла тень. Огромная, покрытая взъерошенной шерстью цвета запёкшейся крови. Глаза – два мутных жёлтых диска без разума. Лапа с когтями, похожими на изогнутые кинжалы, молниеносно обхватила голову учёного. Хруст. Короткий, обрывающийся крик. Тело бессильно шлёпнулось на пол, а чудовище, оскалив окровавленные клыки, бросило на Тарра взгляд, полный слепой, всепоглощающей ненависти.

Затем оно ринулось в атаку.

Тарр не стал уворачиваться. Он встретил его в иной форме.

Переход был стремительным и беззвучным. Не хруста костей и рвущейся плоти, а молниеносное перестроение в другое существо. Одежда на нём лопнула по швам, не выдержав трансформации. Где секунду назад стоял человек, теперь возвышался исполин. Его шерсть была густой, угольно-чёрной, вбирающей в себя скудный свет. Морда – вытянутой, элегантной и смертоносной. Мускулы под шкурой перекатывались, как стальные тросы. И в глазах, таких же янтарных, горящих холодным, абсолютным сознанием, не было ничего, кроме расчёта и воли.

Два титана сошлись в центре коридора.

Удар чужого волколака пришёлся в грудь Тарра. Когти

скрежетали по уплотнённой шкуре, оставляя белые царапины. Тарр ответил серией коротких, сокрушительных ударов в ребра, чувствуя, как под кастетом когтей ломается кость. Чужой взвыл от боли, отшатнулся, но ярость была сильнее. Он вцепился в плечо Тарра, пытаясь вгрызться в шею. Тарр, уловив момент, обхватил пасть нападавшего. Мускулы налились силой и рванули челюсть в разные стороны.

Раздался звук, от которого могло свести зубы у любого живого существа, – сухой, громкий хруст ломающейся кости и рвущихся связок. Нижняя челюсть чудовища отвалилась, повиснув на клочьях плоти. Зверь захлебнулся собственным рыком, захрипел и рухнул навзничь, дергаясь в предсмертных судорогах.

Тишина вернулась, теперь отягощённая запахом свежей крови и смерти. Тарр, тяжело дыша, смотрел на тело безымянного учёного. Вина, старая и знакомая, кольнула где-то глубоко, но была немедленно задавлена необходимостью. Его звериный облик таял, как тень при восходе солнца, материя сдвигалась обратно.

Он быстро обыскал тело Афанасьева. Пластиковая карта с золотой полосой и логотипом «ZYGOREX» легла на его окровавленную ладонь – «Допуск уровня V».

«Информация. Нужно найти какие-нибудь данные. Выяснить, чем они тут занимались». Тарр вернулся в Сектор Альфа. Найдя в шкафу запасной комплект одежды – чёрные штаны и просторную тёмную толстовку, – он облачился

в них. В углу, среди развалин научного оборудования, стоял нетронутый терминал. Экран требовал пароль. Тарр не стал искать ещё и пароль. Его пальцы вцепились в корпус системного блока. Металл скрипел, пластик трещал. С глухим щелчком он вырвал жёсткий диск, маленький чёрный параллелепипед, хранящий в себе кошмары.

Главное ждало впереди.

У колбы он приложил карту к считывателю. На этот раз панель загорелась зелёным. Тарр нажал кнопку.

Зазвучал низкий, нарастающий гул. Колба ожила, светодиоды замигали с большой скоростью. С шипением и щелчками отсоединились шланги, их наконечники скрылись в пазах. Мутная голубая жидкость начала убывать, обнажая бледное, почти прозрачное тело Таэлиры, облачённое в странный пластиковый комбинезон, который вскоре тоже отпал на дно колбы. Стекланный цилиндр с тихим шипением раскололся на две половинки и разъехался в стороны.

Она рухнула вперёд. Тарр поймал её на лету, не дав упасть на холодный пол. Он прижал её к себе, чувствуя слабый, но ровный стук сердца. Её кожа была холодной, как лёд. Он сбросил с себя толстовку и осторожно укутал её, пытаясь согреть своим теплом.

– Таэль, – его голос, обычно твёрдый, дрогнул. – Это я. Тарр. Очнись. Всё кончено.

Её веки затрепетали. Длинные, влажные ресницы поднялись, открыв глаза. Янтарь. Тот самый, родной, тёплый ян-

тарь, который он боялся навсегда забыть. В них не было осознания, лишь туманная пустота глубокого сна. Её губы шевельнулись, выдыхая едва слышное:

– Тарр...?

И сознание снова покинуло её. Голова бессильно упала ему на плечо.

– Таэль! – Он встряхнул её, но реакции не было. Только ровное дыхание. «Зифан, только бы ты смог спасти её, разбудить. Ты должен. Срочно в убежище!».

Он поднял её на руки, бережно, как хрупчайшую реликвию, прижав к груди. Взял жёсткий диск. И понёс прочь из этой стальной преисподней.

Лифт, поднимаясь, гудел, как похоронный звон. Каждая секунда пути сквозь бетонные толщи была пыткой. Наконец, дверь открылась. Он понёсся по туннелю, мчась сквозь мигающий свет, через ангар, вверх по лестнице и через скрипящую дверь цеха. Взрыв дневного света ослепил его. Он зажмурился, инстинктивно пригнув голову, защищая лицо девушки. Чёрный силуэт перемахнул через забор нечеловечески мощным прыжком и оказался у внедорожника.

– Тарр! Ты... – Сергей отпрянул от машины, его глаза вытаращились сначала на ифрилийца в другой одежде, с кровью на руках и лице, а затем на бесформенный свёрток в его руках. – Кто это? Что там было? Ты... весь в крови!

– Не сейчас, – голос Тарра был хриплым, но в нём звучала сталь. – Открывай дверь. Быстро.

Сергей послушно распахнул заднюю дверь. Тарр уложил Таэлиру на сиденье, поправил импровизированное одеяло. Его движения были неожиданно мягкими.

Он завёл двигатель, и внедорожник рванул с места, взрывая гравий под колёсами. Городские пейзажи мелькали за стеклом смазанным пятном.

Тарр молчал, сжимая руль так, что костяшки пальцев побелели. В голове крутились обрывки: янтарные глаза в колбе, хруст костей в темноте, слово «ключ», логотип «ZYGOREX». Он толком ничего не узнал. Но принёс самое важное – её. И крошечный чёрный параллелепипед, который мог пролить свет на происходящее.

«Держись, Таэль, – мысль билась в такт стуку колёс. – Мы почти дома. Зифан всё исправит. Он должен». А в глубине души, в том месте, где жила вековая усталость, уже шевелился холодный червь сомнения: а что, если то, что они с ней сделали, уже не исправить?

Глава восьмая: Таэль.

Чёрный внедорожник нёсся сквозь мегаполис, впиваясь шинами в мокрый асфальт. Городской поток для Тарра был не препятствием, а жидкой средой, в которой он прокладывал путь силой воли и нечеловеческой реакцией. Он нарушал все возможные правила – дорогá была каждая минута. Каждая секунда была песчинкой в песочных часах жизни Таэлиры.

В салоне стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь приглушённым завыванием гибридного двигателя – детища ифрийской технологии, работавшего на принципах контролируемой гравитационной деформации. Для человеческого уха это был рокот, для Тарра – натянутая струна, готовая лопнуть. Сергей вцепился в рукоятку на потолке, его лицо было землистым. Когда в конце туннеля гаража, выросла бетонная преграда, он зажмурился. Смерть была логичным финалом этого кошмара.

Но внезапно раздался глухой, подавленный визг – не тормозов, а самого пространства вокруг машины. Внедорожник мгновенно замер, будто упираясь в невидимую подушку. Инерция, этот незыблемый закон физики, был придушен в зародыше. Сергея лишь мягко прижало к ремням.

Дверь со стороны водителя уже была открыта. Тарр, даже не заглушив чудовищный агрегат, выхватил свёрток с задне-

го сиденья. Его движения были нечеловечески стремительны, но не суетливы – лишь четкий отточенный алгоритм.

Лифт ведущий в убежище опускался мучительно медленно. Каждый цикл мигания светового индикатора был ударом молота по наковальне терпения Тарра. Он стоял, прижимая к груди холодное, завёрнутое в ткань тело, и смотрел в одну точку. В его янтарных глазах отражалась бесконечная петля из одной мысли: «Только бы успеть!»

Наконец – тихий щелчок. Двери разъехались, и Тарр, словно выстрелянный из лука, ринулся по сияющему синему коридору.

– Зифан! – Его голос, обычно сдержанный и низкий, прорвался наружу хриплым рыком, от которого задрожали стены. – Сюда! Немедленно!

Учёный обернулся от голограммы с геномом Сергея. В его глазах мелькнуло привычное раздражение от прерванной работы, сменившееся любопытством, а затем – ледяным шоком. Он замер, не веря в увиденное.

– Не может быть... – прошептал он, и голос его вдруг стал хриплым, лишённым всякой научной сухости. – Это... Тарр, это же...

– Таэлира, – оборвал его Охотник, перекладывая ношу на диагностическую кушетку. Его пальцы, только что ломавшие сталь, теперь дрожали, расстёгивая импровизированный капюшон. – Жива. Но без сознания. Ты должен ей помочь.

Зифан молча кивнул, его лицо снова стало маской кон-

центрации. Пальцы взметнулись над панелью, выписывая в воздухе знакомые руны. Механический манипулятор с сенсорами опустился над неподвижной фигурой. В воздухе замерцали диаграммы.

– Сердечный ритм... стабилизируется, – бормотал Зифан, словно заклинание. – Метаболизм ускоряется. В крови... мощный коктейль из неизвестных веществ, вызывающих блокировку сознания и мышц, но... – он взглянул на Тарра, и в его глазах вспыхнула искра чего-то, отдалённо напоминающего надежду, – но её регенерация справляется. Она выводит яд. Мозговая активность выходит из стазиса. Лунного следа... нет. Совсем. Тарр, это... это чудо.

– Когда очнётся? – голос Охотника был тихим, но в нём висела тяжесть ожидания пяти сотен лет.

– Несколько часов. Ей нужен покой, тепло. Отнеси её в каюту.

Тарр аккуратно взял на руки Таэлиру – как самое дорогое и хрупкое сокровище, словно боясь потерять её вновь. Он нёс девушку по коридору, и каждая клетка его тела, закалённая веками битв, оттаивала под холодным весом её тела.

В каюте он уложил её, укутав в серебристое термоодеяло, которое тут же начало мигать, подстраивая температуру. Он сел на краешек койки, не в силах оторвать взгляд. Лицо Таэлиры, бледное под синим светом убежища, было спокойным, словно не было этих пяти веков заточения в ледяной купели, словно всё было так всегда.

– Всё будет хорошо, Таэль, – прошептал он, и эта нежность, прорвавшаяся сквозь броню веков, прозвучала в тишине громче любого обета. – Теперь ты в безопасности.

Но, выйдя в коридор и прислонившись лбом к холодному металлу стены, он почувствовал, как ликование в душе гасится ледяным дыханием долга. Как? Как они могли скрывать её все эти годы? Он искал её по всему свету. Он прочёсывал континенты, слушал тысячи слухов, разговаривал с теми, кто помнил старые легенды. И – ничего. Будто её поглотила сама земля.

В лаборатории Зифан уже колдовал над жёстким диском – маленьким черным параллелепипеда, хранящего секреты.

– Удалось что-то вытащить из этого устройства? – Тарр кивнул на жесткий диск.

– Не могу подключить, примитивная технология, – Зифан отложил диск. – Нужен совместимый терминал.

Сергей, стоявший у входа, кашлянул. – У меня дома есть компьютер. Старый, но... думаю подойдёт. Я могу сходить.

– Нет, – Зифан повернулся к нему, его голос стал резким. – Сегодня полнолуние. Закат через два часа. Рисковать нельзя. Тебе нужно остаться. Компьютер подождёт до утра.

Сергей побледнел. Он забыл. Забыл про ночь, про луну, про ту боль, что скручивает кости и выжигает разум. Ноги подкосились. Он молча кивнул и поплёлся к жилому модулю, его плечи сгорбились под невидимым грузом.

Когда дверь закрылась, Зифан пристально посмотрел на

Охотника.

– Тарр, Сергей ничего толком не смог рассказать о вашем путешествии. Что там было, что ты нашёл?

Тарр закрыл глаза, давая воспоминаниям оформиться в слова.

– Лаборатория. Глубоко под землёй, под старым заводом. Называется «ZYGOREX», возможно какая-то корпорация. – Он произнёс это слово с отвращением, будто вкусил гниль. – Они использовали нашу генетику, чтобы превращать людей в... в пародии на нас – в гибриды. С такими же симптомами, как у облученных ифрилийцев – в зверей без разума. Как Сергей. Но что-то пошло не так. Один из их «проектов» вырвался. Устроил бойню, лишь немногочисленные выжившие успели сбежать. – Он открыл глаза, и в них отразилась холодная картина коридора, залитого кровью. – А в самом сердце, под грифом «Объект Ноль»... была она. Таэль. Их Источник.

Лицо Зифана осунулось и побледнело.

– Выходит, люди из некой корпорации или организации узнали о нас, узнали кто мы, на что способны. Они добыли генетический материал. Живой, неповреждённую ДНК. Думаю, Таэлира... она была у них с самого начала. С той самой ночи, пять веков назад.

– О чём ты? – голос Тарра стал опасным шёпотом.

– Существо, которое унесло её, действовало слишком расчётливо для обезумевшего волколака, – Зифан отвёл взгляд,

глядя на мерцающий экран. – Оно ждало. И оно выбрало подходящий момент, момент, когда вы были отвлечены человеком. Оно знало, что вы его не почувствуете. Знала о нейтрализаторе. Это было не спонтанное нападение. Это была спланированная операция.

Ледяная полоса пробежала по спине Тарра. Он всегда считал ту ночь трагической случайностью, роковым стечением обстоятельств. Неужели, за всем этим стоит чей-то холодный расчетливый разум – возможно, даже его же сородича. Ответ могла дать только она – Таэлира.

– Ключ, – вдруг сказал Тарр, вспоминая слова убитого безумным волколаком учёного. – Он сказал, что она – «ключ ко всему». Что это значит, Зифан?

– Ключ... – учёный провёл рукой по лицу. – Пока не знаю. Нам нужно выяснить, что всё это значит, Тарр. А пока иди к ней. Ты ей нужен.

Тарр не ответил. Он вернулся в каюту и сел на стул рядом с койкой. Часы пролетели незаметно, растворённые в немом диалоге с прошлым. Он вспоминал её смех, её ярость в бою, тихие разговоры под тусклым, красным солнцем Ифрили. Пять веков одиночества сжались в одну долгую, тягучую ночь ожидания.

Рассвет в убежище был условным – лишь едва уловимое смещение спектра освещения в сторону теплых тонов. И в этот момент веки Таэлиры дрогнули.

Сначала – едва заметная судорога ресниц. Потом – глу-

бокий, прерывистый вдох, будто она всплывала с огромной глубины. Её пальцы сжали край одеяла.

Тарр замер, не смея дышать.

Янтарные глаза открылись. В них была плавала пелена забытья, но она таяла с каждой секундой.

– Где... я? – её голос был хриплым шепотом, будто им давно не пользовались. – Тарр...?

– Я здесь, Таэль. – Он наклонился, его рука сама потянулась к её щеке, но остановилась в сантиметре, боясь разрушить хрупкую реальность. – Ты в убежище. В безопасности.

Её взгляд наконец сфокусировался на его лице. В её глазах что-то дрогнуло, пробивающееся сквозь толщу лет и небытия – улыбка. Нежная, треснувшая по краям, но настоящая, словно яркое солнце после долгой ночи. Губы дрогнули, и задрожали.

– Нашёл... – выдохнула она, и слёзы, чистые и солёные, покатались по вискам, растворяясь в каштановых волосах. – Я знала... что ты найдёшь.

Она приподнялась, слабая, дрожащая, и прижалась к его груди. Он обнял её, чувствуя, как тонкое, почти невесомое тело прижимается к нему ища защиты. В его душе, где столетиями царила вечная мерзлота, взорвалась тихая, сокрушительная оттепель. Он гладил её по волосам, по спине, бормоча бессвязные слова утешения на древнем наречии Ифрилии.

Когда рыдания утихли, она отстранилась, её глаза, теперь

ясные и острые, окинули комнату.

– Здесь всё изменилось, – прошептала она. – Где остальные? Где все? – Она увидела ответ в его глазах, прежде чем он открыл рот. Её лицо исказилось болью. – Сколько... сколько прошло?

– Пять веков, Таэль.

Она закрыла глаза, переваривая этот срок. Пятьсот лет. Эпохи. Цивилизации.

– Кто за этим стоит, люди? – спросила она наконец.

– Не знаю, пока. Место, где я тебя нашел – лаборатория некой корпорации «ZYGOREX». Они использовали тебя, Таэль. Твою ДНК. Они... создают оборотней. Из людей.

Её глаза расширились. В них был не просто ужас, а глубокое, инстинктивное отвращение расы, чей священный дар обратили в похабное, неуправляемое проклятие. Проклятие, от которого ифрилийцы пытались избавиться.

– Таэль, – Тарр взял девушку за плечи. – Расскажи, что ты помнишь?

– Я помню..., – её пальцы вцепились в его предплечье. – Обрывки. Темнота. Движение. Чьё-то плечо... пахнет шерстью и... чем-то химическим. Потом... стол. Ремни. Люди в капюшонах. Словно... ритуальные одеяния. Они говорили... – она зажмурилась, пытаясь выудить память из химического тумана. – Говорили о... о важном открытии. О исследованиях. И... о нас. Они знали, Тарр, знали, что мы придём в тот лес, знали, что мы будем ослаблены. Это была...

засада. Им нужны были мы. Я... или ты.

Тарр почувствовал, как по его спине пробежал ледяной скорпион. Догадки Зифана обретали плоть. Это не было случайностью.

– Но почему они не взяли того зверя, за которым мы охотились? Почему мы? – его голос был скрипучим от напряжения.

Таэлира покачала головой, устало опуская её ему на плечо.

– Не знаю, – она покачала головой, снова прижимаясь к нему. – Сейчас это неважно, я просто рада, что ты рядом.

Тарр застыл. Люди знают. Кто-то из ифрилийцев, возможно, предатель. Тишина в убежище стала иной. Теперь она была не просто отсутствием звука, а тяжёлым, звенящим ожиданием. Они называют её «ключом». К чему – предстояло выяснить. Если она так важна для них, то они придут за ней.

Глава девятая: Сергей.

Синий свет лаборатории играл на поверхности полированных стен, отбрасывая холодные блики на лицо Зифана. Он откинулся в кресле. Его взгляд был прикован к монитору наблюдения, где в каюте метался во сне Сергей. Учёный не моргал, его пальцы непроизвольно сжались в кулак. Одна и та же мысль, острая и неотвязная, сверлила мозг, эхом повторяя ту же тревогу, что посетила Тарра: «Почему именно Таэлира? Что в ней такого, чего нет в других? Если эти тени из ZYGOREX знали об ифрилийцах, знали о их слабости к луне, почему не взяли первого попавшегося обезумевшего сородича? Зачем нужна была именно она, живая, чистая, не тронутая проклятием»? Ответов не было. Только тишина убежища и тяжёлый груз догадок.

Сергей сбросил с себя одеяло, сел на край койки. Сон бежал от него, как вода сквозь пальцы. Вместо него накатывала волна тревоги – тупой, животной, знакомой до дрожи. Горло сжалось.

«Во что я ввязался?» – мысль пронеслась, лишённая пафоса, простая и горькая. Ещё несколько месяцев назад мир был жёстким, но понятным: работа в автосалоне, ипотека, редкие встречи с друзьями. Мир, где оборотни и инопланетяне жили только на страницах фантастических романов. Те-

перь же он сам стал частью кошмара. Он – то самое чудовище из ночных кошмаров, тот, кто оставляет кровавые следы в лесу и просыпается голым в грязи. Он причинял боль. Даже если не помнил, даже если это было волей жестокого разума – это меняло мало. Винтовка убивает, пуля невинна. Но ствол чувствует отдачу.

«Если бы не они...» Он взглянул на безликую стену каюты. Зифан и Тарр. Чужаки, которые вытащили его из ада, в который он попал не по своей воле. Они дали ему пусть и хрупкую, но всё же надежду. После стольких месяцев одиночества, страха и отчаяния. Это было больше, чем он мог ожидать от этого нового, жестокого мира.

Сергей посмотрел на часы – простые, электронные, купленные на распродаже. Уже ночь. Луна где-то там, за сотнями метров грунта и бетона, за невидимым щитом, который должен был его защищать.

И тогда это началось.

Сначала – лёгкая ломота в костях, знакомая, как предчувствие гриппа. Потом – жар, разливающийся от позвоночника, будто кто-то влил под кожу раскалённый металл. В ушах зазвенело, мир поплыл. Он знал, что это означает. «О нет, только не опять. Не здесь. Не сейчас!» – мысль прорвалась сквозь нарастающую пелену боли, чужая, тонкая, как последняя нить.

Он рухнул с койки на холодный пол. Спину выгнуло неестественной дугой, суставы затрещали тихим, влажным

хрустом. Кости ног и рук будто растягивались изнутри, кожа запылала, зачесалась, будто под ней копошились тысячи насекомых. Ногти на пальцах посинели, потемнели, выгнулись в острые, изогнутые крючья, царапающие полимерное покрытие пола. Челюсть свело судорогой – боль ударила в виски, и он почувствовал, как клыки упираются в нижнюю губу, острые и длинные. Из горла вырвался хрип – не крик, а предвестник рыка.

Сознание стало утекать, как вода в песок. На его место выползало нечто тёмное, простое, голодное и яростное. Оно не мыслило – оно хотело бежать, рвать, чувствовать под когтями и клыками плоть и вкус крови.

И вдруг – всё прекратилось.

Боль отступила, будто перерезали невидимую струну. Жар сменился леденящим холодом пота. Кости с тихим щелчком вернулись на место, когти втянулись, оставляя на пальцах лишь ломоту и синяки. Челюсть сжалась, клыки будто растаяли. Сознание хлынуло обратно, ясное, переполненное животным страхом и недоумением.

Сергей лежал на полу, тяжело дыша, ощущая каждый мускул как отдельную, ноющую боль. Он поднял руку – человеческую, со знакомыми шрамами от детских царапин. Он не стал чудовищем. Почему?

«Убежище... щит... он сработал? Или... не сработал до конца?» Он поднялся, пошатываясь, опёрся о стену. Тело дрожало мелкой дрожью. «Зифан. Нужно к Зифану. Сейчас

же».

Лаборатория встретила его тем же синим полумраком. Зифан не спал. Он сидел перед главным терминалом, его взгляд был сосредоточен на одном из боковых мониторов – застывшей записи с камеры в каюте Сергея. На записи – человек, корчащийся на полу в муках неконтролируемого превращения.

– Зифан! – голос Сергея сорвался на хрип. – Ты был прав. Я... я начал меняться. Прямо в каюте. Но потом... превращение прекратилось. Почему? Что произошло?

Учёный медленно повернулся. Его лицо в холодном свете казалось высеченным из светлого камня. Глаза, обычно острые и отстранённые, теперь смотрели на Сергея с непривычной, почти болезненным вниманием.

– Я видел, – сказал Зифан, его голос был низким, без интонаций. – Каждый спазм, каждый излом. Поля подавления отразили основной импульс. Но не поглотили его полностью.

– Но ты же сказал, что здесь безопасно! Подавитель... он ведь должен был...

– Подавитель выжигает лунное излучение в клетках, Сергей, – перебил его Зифан, поднимаясь. – Он создан для ифрийской биологии, где луна – лишь внешний катализатор, ломающий внутренний баланс. В твоём случае... – он сделал паузу, подбирая слова, – в твоём случае баланса изначально и не было. Тебе «встроили» в твой геном несовместимую

часть ДНК. По сути это иная сущность, чужеродная. Зверь может вырваться наружу от стресса, от страха, от выброса адреналина. От самого воспоминания о боли. Поля убежища подавили внешний триггер – луну. Но не смогли заглушить внутренний сигнал – твой собственный ужас.

Сергей почувствовал, как пол под ногами стал зыбким. – Значит... я никогда не буду в безопасности? Даже здесь?

– Нет. Мы адаптируем поля. Увеличим мощность, изменим частоту. Сегодня ночью это сработало, не так ли? – В голосе Зифана пробились редкая, скупая нота уверенности. – Но это паллиатив, Сергей. Чтобы найти настоящее лечение, нужно понять, какую именно часть ДНК они добавили, а какую изменили. Ответ на этот вопрос может быть там, – он кивнул на чёрный прямоугольник жёсткого диска, лежащий на столе. – Завтра мы поедем за твоим компьютером. И начнём искать ответы.

– Ты... пойдёшь со мной? – Сергей не мог скрыть удивления. – А Тарр?

– Тарр останется с Таэлирой. Ей нужна охрана, а ему... – Зифан слегка отвел взгляд, – ему нужно время, чтобы прийти в себя. А за тобой присмотрю я.

Озадаченный, с головой, гудевшей от новой, пугающей информации, Сергей побрёл назад в каюту. Сон, когда он наконец пришёл, был беспокойным и полным теней.

Утром в лаборатории уже кипел тихий, но яростный спор.

Тарр, неподвижный и грозный, как скала, стоял перед Зифаном. Рядом, прислонившись к стойке с оборудованием, была Таэлира. Она казалась хрупкой, почти прозрачной в простом сером комбинезоне, но в её янтарных глазах горел твёрдый, ясный свет.

– Это безрассудство, Зифан, – голос Тарра гремел низким, сдавленным гулом, от которого звенели колбы на полках. – Идти должен Я. Ты – учёный, а не воин.

– А ты нужен Таэлире, – парировал Зифан, не отводя взгляда. – Здесь, в убежище. Мы не знаем, кто и как её ищет. А я... – он слегка развёл руками, – я достаточно хорошо знаю, как не привлекать внимание. И как защитить одного человека, если что.

Таэлира мягко коснулась руки Тарра.

– Он прав, – сказала она тихо, но так, что её слова прозвучали чётко. – Остайся. Я... ты мне нужен здесь.

Тарр замер, его взгляд метнулся от решительного лица Зифана к лицу Таэлиры. В его глазах боролись долг, страх и нежность. Наконец, он резко кивнул, будто сломав что-то внутри себя.

– Хорошо. Но будь на связи.

Только теперь Сергей разглядел Зифана. Учёный сменил лабораторный халат на обычную одежду землян: тёмные джинсы, серая футболка из плотного хлопка, мягко облегавшая торс. Светлые, коротко стриженные волосы были аккуратно уложены. На переносице – простые затемнённые

очки. И самое неожиданное – фигура. Под тканью футболки угадывались не сутулые плечи кабинетного работника, а широкая грудная клетка, рельефные мышцы плеч и рук. Он был чуть стройнее Тарра, но в его осанке, в каждом движении чувствовалась скрытая, пружинистая сила, сила не бойца, а... хищника, привыкшего полагаться на ум, а не на клыки. Стереотип о хилом гении разлетелся в прах.

Теперь он выглядел как подтянутый, немного аскетичный мужчина лет пятидесяти, чьё лицо хранило следы не возраста, а долгой, напряжённой работы ума.

Дорога в чёрном внедорожнике пролетела в молчании, нарушаемом лишь приглушённым рокотом двигателя. Сергея распирало от вопросов, но один пересилил профессиональный интерес.

– Зифан, – наконец не выдержал он, глядя на плавно огибающий пробку автомобиль. – Что это за машина? Для таких габаритов – невероятная динамика. И тот манёвр у стены гаража... с обычной физикой это несовместимо.

Зифан, не отрывая взгляда от дороги, чуть скривил губы в подобии улыбки.

– Автомобильный энтузиаст?

– Продаю их. Знаю, как они должны вести себя. А этот... ведёт себя так, будто законов физики для него не существует.

– В некотором смысле, так и есть, – спокойно ответил Зифан. – Корпус, салон, некоторые узлы – земные, для маски-

ровки. Силовая установка, подвеска, системы стабилизации – ифрилийские. Основа – локальный манипулятор инерционных и гравитационных полей. Грубо говоря, он может «давить» на пространство вокруг себя, меняя вектор и силу воздействия. Поэтому резкие остановки, манёвры на грани возможного... для него это просто.

Сергей устался на панель приборов, пытаясь осмыслить услышанное. Его мир, уже покосившийся, дал ещё одну трещину.

Дом Сергея – панельная десятиэтажка в спальном районе – показался каким-то бутафорским, ненастоящим после стерильного величия убежища.

Зифан припарковал внедорожник во дворе, ничем не отличавшемся от тысяч других: асфальт с заплатками, скамейки, рядовые иномарки и пара отечественных авто. Они вошли в подъезд – чистый, с неярким светом и слабым запахом чистящего средства.

На лестничной площадке между третьим и четвёртым этажами они столкнулись с ней. Катя. Она спускалась с мусорным пакетом в руках. Увидев Сергея, она замерла, её зелёные глаза расширились.

– Серёжа? Боже, где ты пропадал? – Она опустила пакет и подбежала, схватив его за руку. Её пальцы были тёплыми, цепкими. Взгляд скользнул на Зифана, выжидающий, настояренный.

– Кать, привет, – Сергей почувствовал, как кровь ударила

в щёки. — Командировка. Срочная. Это... мой коллега. Степан.

Зифан едва заметно кивнул, его лицо за тёмными стёклами оставалось невозмутимым.

— Очень приятно, — сказала Катя, улыбнулась — улыбкой, от которой в обычном подъезде будто потеплело. — Сереж, ты хоть позвонил бы...

— Сорян, совсем закрутился, — Сергей потёр затылок. — Нам, вообще-то, надо...

— Идти, — закончил за него Зифан. Его голос был вежливым, но в нём прозвучала твердость, не терпящая возражения.

Катя вздохнула, её улыбка потускнела.

— Ладно... Только не исчезай опять, хорошо?

Она подняла пакет и продолжила спуск вниз, ещё раз обернувшись на пол-оборота.

Сергей молча достал ключи, поднялся ещё на пролёт и открыл дверь в свою квартиру.

Квартира встретила его призрачным укором. Всё было на своих местах: диван, телевизор, книжная полка с технической литературой. Мир, в котором не было ни клеток, ни чёрных внедорожников, ни янтарных глаз. Он подошёл к старому столу, взял потрёпанный ноутбук. Он казался смехотворно хрупким, архаичным.

— Она к тебе равнодушна, — внезапно, ровным тоном сказал Зифан, осматривая комнату.

– Что? Нет, мы просто... – Сергей запнулся, кладя ноутбук в сумку.

– Друзья детства, – заключил Зифан. – Она так не считает. Её запах изменился, когда она тебя увидела. Гормоны, Сергей. Окситоцин, дофамин. Чистая химия.

– Всё, – сказал Сергей без энтузиазма, закидывая сумку на плечо. – Можно уходить.

Он бросил последний взгляд на свою квартиру – на мир, который, он начинал понимать, возможно, уже никогда не будет прежним, – и вышел в подъезд. Зифан последовал за ним, и дверь закрылась с тихим щелчком.

Глава десятая: Хвост.

Сергей шёл за Зифаном, стараясь не отставать, но мысли его были далеко. Они крутились вокруг одного вопроса, простого и одновременно невыносимо сложного.

«Зифан сказал, что я Кате нравлюсь, что между нами есть химия. Неужели это правда?»

Он вспомнил её тёплую улыбку, цепкие пальцы, схватившие его за руку в подъезде. Вспомнил, как пахли её волосы – шампунем с яблоком и чем-то ещё, чисто женским, домашним. Но тут же внутри всё сжалось, будто в тисках.

«Нет. Не сейчас. Сначала нужно разобраться с этим... с этим проклятием внутри. Я не хочу снова причинить боль. Ни ей. Никому».

Мысль была холодной и точной, как приговор. Он уже чувствовал её тяжесть – тяжесть возможной потери, которую даже нельзя было себе представить.

Они вышли во двор. Мир вокруг жил своей обычной, шумной жизнью. На лужах прыгали воробьи, с детской площадки доносился смех. Где-то завелся мотор старенькой «Лады». Обыденность. Та самая, которую он потерял и теперь с тоской наблюдал со стороны, будто через толстое, небьющееся стекло. Кати нигде не было видно.

«Ушла. Конечно. Зачем ей ждать?» – мелькнула мысль с горькой иронией.

И в этот момент Зифан замер. Его движение было настолько резким и неестественно плавным одновременно, что Сергей чуть не наткнулся на него. Учёный не просто остановился – он втянулся в себя, будто превратился в живую антенну. Его плечи напряглись, шея вытянулась, ноздри затрепетали, улавливая невидимые потоки воздуха.

– Что такое? – Сергей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он уже знал эту позу, этот взгляд. Это был взгляд хищника, уловившего запах крови.

– Тише, – голос Зифана был едва слышным, но в нём звенела сталь. – За нами следят. Не вижу никого. Но чувствую... чужой адреналин. Металл. Где-то совсем близко.

Сергей инстинктивно огляделся. Двор, машины, балконы с бельём, старушка с тележкой... Всё, как всегда. Ничего подозрительного. Но он уже научился доверять не глазам, а тому холодному комку в животе, что сжимался всякий раз, когда рядом была опасность.

– Думаешь, это они? «Зигорекс»? – прошептал он.

– Не знаю. Незнакомый запах. – Зифан медленно повернул голову, его взгляд скользнул по окнам, по крышам гаражей и улице – Ничего необычного. – Нам пора.

Они почти бесшумно добрались до машины. Дверь закрылась с глухим, герметичным щелчком, отсекая внешний мир. Двигатель заурчал – негромко, но с тем самым низкочастотным гулом, что говорил о скрытой мощи.

Сергей бросил последний взгляд на свой подъезд, на зна-

комые окна, на мир, который теперь казался ему хрупкой, красивой игрушкой. «Смогу ли я когда-нибудь вернуться? Просто взять и позвонить Кате? Сказать: «Пойдём в кино?» Мысль была такой нелепой и такой желанной, что в горле встал ком.

Машина тронулась, мягко вливаясь в поток. Сергей закрыл глаза, пытаясь заглушить внутреннюю дрожь. Но через несколько минут его вывело из оцепенения другое чувство – смутное, но настойчивое. Что-то было не так.

Он открыл глаза и посмотрел в окно. Они ехали по широкому проспекту, ведущему из города. Небоскрёбы сменились складами, затем – промзоной с ржавыми заборами.

– Зифан, – голос Сергея прозвучал чуть хрипло. – Мы куда? Убежище в другой стороне.

Учёный не ответил сразу. Его взгляд был прикован к зеркалу заднего вида.

– Видишь два чёрных седана позади нас? – наконец произнёс он, и в его тоне не было ни капли обычной отстранённости. – Тонировка. Две машины позади. Они преследуют нас от самого твоего дома. Видимо, я их и учуял.

Сергей обернулся. Их преследовали два низких, стремительных силуэта, похожих на хищных рыб в мутной воде потока. Они двигались синхронно, аккуратно, но неотвратимо сокращая дистанцию.

– Тарр, ответь, – тихо, но чётко сказал Зифан.

Голос Охотника раздался не в ушах, а где-то внутри чере-

па, будто рокот подземного толчка:

– Что случилось?

– Нас преследуют. Два автомобиля. Спецсигналов нет. Думаю, «Зигорекс».

– Чёрт. Они, наверное, вычислили машину по камерам. Отрывайся. Ни в коем случае не веди к убежищу.

– Понял.

Связь оборвалась. В тот же миг чёрные седаны сделали рывок. Они разом обогнали несколько машин и вплотную пристроились сзади, словно приклеенные.

Зифан резко свернул на пустынную дорогу, ведущую к старой объездной. Седаны – не отставали. Машины обошли внедорожник с двух сторон, словно два хищных зверя зажимая добычу.

И тут стекло в правой машине преследователей опустилось. Мелькнуло лицо в тёмных очках, без единой эмоции. И дуло. Короткое, приземистое, чёрное.

– Осторожно! – вскрикнул Сергей.

Первый выстрел грохнул по броне бокового стекла, оставив лишь белую пыль. Второй, третий – пули забарабанили по дверям, по крыше. Звук был глухим, тяжёлым, будто в машину швыряли камни. Но обшивка держала – уникальный ифрилийский сплав, рассчитанный на космический мусор, чудовищное давление и сверхвысокие температуры, не поддавался.

Зифан не стал вилять, а лишь прибавил газу.

Вопреки ожиданиям, Сергея не прижало к креслу. Лишь мир за окном вдруг превратился в смазанную акварельную полосу. Здания, столбы, другие машины – всё слилось в непрерывный серо-зелёный поток. Он взглянул на панель. Цифры на спидометре бежали вверх с безумной скоростью: 300... 350... 420 км/ч. Рядом горела лаконичная надпись: **ИНЕРЦИОННАЯ КОМПЕНСАЦИЯ: 10%.**

Чёрные седаны на мгновение метнулись вперёд, пытаясь догнать, но их силуэты быстро превратились в две крохотные черные точки, а затем и вовсе исчезли в дымке горизонта.

Зифан, не сбавляя немыслимой скорости, описал широкую дугу вокруг города, нырнул в сеть просёлочных дорог и лишь через сорок минут, убедившись, что преследователи отстали, вернулся к особняку.

Машина замерла в полутьме гаража. Зифан вышел, вдохнул воздух, полный запахов масла, пыли и старого камня. Ничего чужого. Только тишина и запах бетона.

Он достал брелок, нажал едва заметную кнопку. Раздался не шелест, а низкий, вибрирующий гул – будто сама материя начала петь на неслышной частоте. Сергей, вышедший следом, застыл с открытым ртом.

Воздух вокруг автомобиля задрожал, заискрился, словно в сильной жаре. Очертания машины поплыли, потеряли чёткость. Сталь, пластик, стекло – всё смешалось в серебристо-серую рябь, похожую на жидкий металл. Затем рябь улеглась, материя сгустилась, перестроилась. За несколько

секунд перед ними стоял совершенно другой автомобиль – не просто перекрашенный, а иной по форме, размерам, даже по структуре поверхности. Обычный потрёпанный седан, ничем не примечательный, один из тысяч.

– Активная реконфигурация, – коротко пояснил Зифан, уже направляясь к лифту. – Материал перестраивается на молекулярном уровне. Меняет форму, цвет, даже массу в допустимых пределах.

В лаборатории их ждал Тарр. Он стоял, уперев руки в панель управления, его спина была напряжённой дугой. Янтарные глаза горели холодным огнём. Таэлиры рядом не было.

– Зифан, – голос Охотника был низким, сдавленным, будто рычание дикого зверя. – Игры кончились. Нам нужно знать, с кем мы воюем. И – быстро.

Зифан без лишних слов взял у Сергея ноутбук и аккуратно подключил к нему чёрный параллелепипед.

В это время в лабораторию вошла Таэлира. Она была в простом синем комбинезоне, её каштановые волосы были собраны в небрежный хвост. Но в её глазах, теперь ясных и острых, читалась настороженность.

– Я что-то пропустила? – спросила она, взгляд скользнул с Тарра на Зифана.

– Нас выследили, – ответил Тарр. – Они знают, что ты у нас. Игра началась по-крупному.

Жёсткий диск щёлкнул, на экране ноутбука ожило меню

– десятки папок, файлов с цифровыми обозначениями. Зифан, не тратя времени, открыл первый видеофайл.

На экране появился кабинет. Человек в белом халате, очки в тонкой оправе, лысеющая макушка. Он сидел за столом, его пальцы нервно перебирали ручку.

«Запись номер 1. Дата: 15.03.2031г. Не могу поверить. Сегодня нам доставили то, что в протоколах значится как "Объект Ноль". Мы ждали его годы. В других лабораториях исследования не дали никаких результатов. Но я, не они. Теперь исследования выйдут на новый уровень. Теперь у меня есть доступ к источнику. К чистому образцу».

Голос был взволнованным, почти благоговейным. Учёный поправил очки.

Зифан запустил следующий файл.

«Запись номер 2. Провёл первичный анализ. Фенотип – гуманоидный, но на клеточном уровне... это иная ветвь эволюции. Метаболизм ускорен в 4,7 раза. Регенерация на уровне, который мы считали фантастикой. Плотность мышечных волокон, структура костной ткани... это инженерное совершенство. И сенсорика... судя по строению обонятельных луковиц и внутреннего уха, ей доступен более широкий диапазон запахов и звуков. А зрение, более приспособлено к ночному образу жизни».

На третьей записи тот же человек, но теперь его лицо было озарено внутренним восторгом.

«Запись номер 3. Эврика! Выделил целевой генокластер

– тот самый, что отвечает за сенсорику, метаболизм и регенерацию. К сожалению, полная расшифровка невозможна – в структуре есть слои, защищённые каким-то... биологическим шифрованием. Это не просто ДНК. Это головоломка. Но ключа к ней у меня пока нет».

«Запись номер 4. Серия "Альфа". Подопытным 1–10 введена сыворотка на основе адаптированного генома. Реакция – нулевая. Организм отторгает чужеродный код. Продолжаю наблюдение».

«Запись номер 5. Подопытных пришлось отпустить после стандартной процедуры стирания кратковременной памяти. Сыворотка нестабильна. Продолжаю работу».

Зифан пролистал десятки таких файлов. Лицо его было каменным. Наконец он нашёл запись с другим номером – 236.

Учёный на экране выглядел постаревшим лет на двадцать. Глаза ввалились, руки дрожали.

«Запись номер 236. Сегодня... сегодня произошло нечто. Объект 21. Мужчина, 35 лет. После введения модифицированной сыворотки ... начался спонтанный морфогенез. Мы наблюдали это через стекло. Кости... они ломались и собирались заново. Росла шерсть. Когти. Мышечная масса увеличилась на 87% за три минуты. Он стал... тем, о чём говорилось в легендах... Оборотнем. Зверем без разума. Но с безумной яростью».

Учёный сделал паузу, выпил глоток воды. Его голос со-

рвался на шёпот.

«Значит ли это, что и Объект Ноль способен на такое? Или это лишь побочный эффект грубого вмешательства в геном? Объект 21 проявляет беспрецедентную агрессию. Сдерживаем его только массивными дозами нейролептиков. Капсула едва выдерживает. Боже... что мы создали?»

Запись прервалась.

В лаборатории воцарилась тягучая, гулкая тишина. Первым нарушил её Зифан, его голос звучал сухо, как скрип пергамента.

– Они не знали. Они тыкались вслепую, как дети со взрывчаткой. Все их «подопытные», включая тебя, Сергей, считались браком. Их просто... выпустили на волю. Стерли память и отпустили. – Он повернулся к остальным. – Двадцать человек. Двадцать бомб, рассеянных по городу. Каждая может взорваться в любой момент. Не только в полнолуние. Стресс, паника, всплеск адреналина – и зверь вырвется.

Тарр медленно провёл рукой по лицу.

– Тот волколак на заводе... Он был в форме зверя днём. Без луны. Почему?

– Видимо, это и был тот самый «Объект 21», – заключил Зифан. – Последняя сыворотка привела к неконтролируемой мутации. Он потерял всё человеческое, оставив лишь безумие, неконтролируемого зверя. Он уже бы не стал человеком.

И тут раздался голос Таэлиры. Тихий, но отточенный, как

лезвие.

– То есть... он человек. Но с моей ДНК внутри? – Она указала на Сергея. Её янтарные глаза, такие же, как у Тарра, но теперь полные холодного, хищного внимания, уставились на него. – Мы можем ему доверять? Он же такой же, как они. Та же кровь. Такой же, как те, кто держал меня в клетке пятьсот лет.

Она сделала шаг вперёд. Просто шаг. Но в её позе, в напряжённых мышцах плеч, в чуть приподнятой верхней губе читалась древняя, родовая ярость. Ярость существа, чью самую суть осквернили.

Сергей отпрянул. Его спина упёрлась в холодную стену. Он почувствовал запах – не её, а тот, что шёл изнутри неё. Запах грозы, дикого леса и озона перед боем.

Между ними молча встал Зифан. Он не принял боевую стойку, просто занял пространство.

– Таэлира, – сказал он спокойно, но настойчиво. – Он жертва. Такая же, как и ты. Виноваты те, кто это с вами сделал, а не он.

– Таэль.

Голос Тарра прозвучал негромко, но девушка вздрогнула, будто от прикосновения. Он подошёл, взял её за плечо. Но не сжимая, а нежно держа, словно боясь раздавить что-то хрупкое.

– Не он наш враг, – прошептал Тарр, глядя ей прямо в глаза. – Я обещаю. Мы найдём тех, кто это сделал. Найдём.

Таэлира замерла. Дрожь прошла по её телу. Затем она обмякла, прижалась лбом к его груди. Из её горла вырвался тихий, сдавленный звук – не плач, а стон усталости от ненависти, которую некуда было излить.

Сергей выдохнул. Но облегчение длилось лишь мгновение. Потом его мозг, уже настроенный на поиск угроз, выдал новую, леденящую догадку.

– Катя, – вырвалось у него.

Все повернулись к нему.

– Катя? – переспросил Тарр.

– Она нас видела! В подъезде! – Сергей говорил быстро, сбивчиво. – Если они следили за домом, если знают меня... они могли видеть, что она меня знает! Они могут использовать её! Взять в заложники! Или... или сделать с ней то же, что со мной!

В глазах Зифана мелькнуло понимание, а затем – холодная тревога.

– Чёрт. Ты прав. Она может быть в опасности.

– Я схожу, – немедленно сказал Тарр. – Сергей, есть её фото?

– Да, в телефоне... но я хочу с вами! – Сергей шагнул вперёд. – Я не могу просто сидеть здесь, пока она...

– Нет, – сказал Тарр, тоном не терпящим возражения. – Тебя знают в лицо. Рисковать нельзя.

– Тогда я пойду.

Все обернулись на Таэлиру. Она оторвалась от Тарра, её

лицо было серьёзным, решительным.

– Девушка с девушкой быстрее найдут общий язык. И...
– она посмотрела на Тарра, и в её глазах вспыхнул тот самый огонь, который он помнил веками – огонь воительницы, а не пленницы. – Я хочу увидеть этот мир. Тот, что изменился без меня. И я хочу помочь. Я могу постоять за себя.

– Таэль... – в голосе Тарра прозвучала неприкрытая боль.
– Я не могу снова тебя потерять.

– Ты и не потеряешь, – она дотронулась до его щеки. – К тому же, судя по записям, в лицо меня знали лишь немногие на самом верху. Для всех остальных я – просто девушка. А ещё... – её губы тронула едва заметная улыбка. – Мне нужен глоток настоящего воздуха. Не этого стерильного. А того, что пахнет жизнью.

Зифан молча оценивающе посмотрел на неё, затем на Тарра, и кивнул.

– Логично. Ей пойдёт это на пользу.

Тарр закрыл глаза на секунду. Борьба в них была видна невооружённым глазом. Наконец он сдался, издав короткий, хриплый вздох.

– Хорошо. Но от меня не на шаг. Расслабляться нельзя.

Таэлира улыбнулась уже по-настоящему, стремительно поднялась на цыпочки и поцеловала его в уголок губ.

– Не скучай без меня, – бросила она на ходу и исчезла в коридоре, направляясь к гардеробной.

Через двадцать минут они стояли в гараже перед реконфигурированным седаном. Таэлира была в простых джинсах, тёмной куртке и кроссовках. Её волосы были убраны под кепку, на носу – такие же затемнённые очки, как у Тарра. В её осанке не было ничего от только что пробудившейся пленницы – только собранная, эластичная готовность.

– Что это за повозка? – спросила она, с любопытством окидывая взглядом автомобиль.

– Машина, – ответил Тарр, открывая ей дверь. – Люди ездят на них. Как раньше на лошадях, только быстрее.

– По земле? – в её голосе прозвучало неподдельное удивление. – Они так и не освоили локальную гравитационную манипуляцию?

– Нет. Но они стараются.

Они сели в салон. Тарр завёл двигатель. Машина, теперь серая и невзрачная, бесшумно выкатилась из гаража и растворилась в вечернем потоке, увозя их обратно в мир людей – мир, где одна простая девушка по имени Катя могла стать следующей жертвой в войне, о которой даже не подозревала.

А позади, в синеве лаборатории, Зифан уже вновь склонился над экраном, его пальцы летали по клавиатуре. Чёрный диск хранил ещё много секретов. И где-то среди цифровых руин должна была быть зацепка. Имя. Лицо. Адрес.

Ключ к тем, кто посмел украсть дар его народа и обратить его в оружие.

Глава одиннадцатая: Новая жертва.

Чёрный седан плыл по городским артериям, разрезая потоки машин. Таэлира сидела рядом с Тарром, её взгляд прилип к окну, впитывая мир, который за пять веков стал другим – чужим, слишком громким и ярким. Гигантские экраны кричали рекламой, люди спешили, уткнувшись в маленькие светящиеся прямоугольники в руках.

– Тарр, скажи, – голос Таэлиры прозвучал тихо, почти заглушённый гулом двигателя. – Что случилось с тем иффрилийцем... которого мы поймали, после того, как меня похитили. Он выжил?

Тарр молчал несколько секунд. Его пальцы сжали руль так, что искусственная кожа слегка закрипела.

– Не выжил, – наконец ответил он, и в его голосе, обычно твёрдом, проскользнула знакомая Таэлире усталость. – Его обращение было необратимым. Излучение... – в сердце Тарра скользнул холодный осколок старой боли, – излучение съело его разум полностью. Подавитель не помог. Мне пришлось...

Он замолк, взгляд его упёрся в дорогу, но видел не её – а лабораторию Зифана, тело сородича в клетке, которое ещё дёргалось в предсмертных судорогах, и пистолет в своей ру-

ке, тяжёлый, как целая планета.

Таэлира положила ладонь на его руку. Её прикосновение было тёплым, живым, настоящим – антагонистом той ледяной памяти.

– Ты сделал, то что должен был, – сказала она мягко. В её глазах горело понимание – она знала эту цену. – Ему уже нельзя было помочь. Ты же знаешь. Не вини себя.

– Знаю. Но каждый раз... каждый раз, Таэль, я как будто обрываю не только жизнь, но и часть себя. Часть нашей расы, нашего прошлого.

В салоне повисла тишина, нарушаемая лишь приглушённым гулом гибридного двигателя. Таэлира смотрела на профиль Тарра – на резкую линию скулы, на напряжённую челюсть. Он не изменился внешне, но сколько же этих «частей себя» он похоронил за века?

– Есть новости с Ифрилии? – спросила она, меняя тему, но её голос был осторожным. – Как Наар? Как остальные?

Тарр медленно выдохнул.

– Иногда связываюсь через ретранслятор. Сигнал слабый, помех много... И каждый раз они просят вернуться. Говорят, что Земля – безнадёжное дело. Что я нужен своему народу там, на родной планете.

– А Наар? Он же взял на себя руководство после...

– После моего ухода? Да. Но, говорят, он не справляется. Что давление кланов растёт, что многие хотят забыть про Землю, как о страшном сне. Но я... я верю в него. Он силен.

И мудр. Пока я не могу вернуться. Не могу обречь свой народ на тьму.

Таэлира задумалась, наблюдая, как за окном мелькают коробки панельных домов. Тарр не из тех, кто отступает. Не из тех, кто прощает себе ошибки. Когда всё это закончится – если закончится – ей придётся уговорить его посетить Ифрилию. Хотя бы для того, чтобы закрыть старые раны.

Машина свернула в знакомый двор. Ничего не изменилось с момента последнего визита Сергея и Зифана: тот же потрескавшийся асфальт, те же ржавые качели, та же серая десятиэтажка. Таэлира вышла из машины, её янтарные глаза, скрытые за затемнёнными стёклами, внимательно изучали здание.

– Значит, теперь люди живут... в таких коробках? – спросила она, и в её голосе прозвучало неподдельное изумление. – Слишком тесно. И весь город заставлен этими... каменными ульями. Нет места для простора. Для прогулок. Для охоты.

Она закрыла глаза на секунду, в памяти тут же всплыли густые леса Ифрилии, где деревья клонят к земле тяжёлые, багровые листья. Редкие поселения, небольшие города. Самый большой из них – столица планеты – Веллхар. Тихий шепот ветра в кронах, а не вечный гул мегополиса.

– Пять веков назад Земля больше походила на наш дом, – прошептала она.

Она вспомнила ночные пробежки с Тарром – не ради вы-

живания, а ради ясности ума и остроты чувств. Запах влажной земли, страх добычи, горячая кровь на языке. Вспомнила, как он учил её читать лес как книгу, как находить следы, невидимые человеческому глазу. Как смеялся, когда она в первый раз сама поймала клинокрэя, местного аналога оленя.

Интересно, помнят ли её ещё на Ифрилии? Помнит ли Наар? Или она стала всего лишь призраком из старых легенд, грустной историей, которую рассказывают у огня?

– Кажется, это здесь, – голос Тарра вернул её к действительности.

Они стояли у квартиры Кати. Звонка не было видно. Тарр постучал костяшками пальцев по двери.

Ответом был тихий, неестественный скрежет. Дверь подалась внутрь под его касанием – замок был сломан, дверная коробка расщеплена у самого косяка.

Тарр и Таэлира переглянулись. Они поняли друг друга без слов. Дверь была взломана. И сделано это было грубо, будто бы в спешке.

Тарр шагнул внутрь, его тело автоматически заняло стойку, готовое к мгновенной реакции. Он прикрыл глаза, волевым усилием позволяя всем чувствам усилиться.

Мир взорвался.

Тишина квартиры наполнилась звуками: тиканье забытых на кухне часов, шорох мыши за плинтусом, едва уловимый гул проводки – никого. Запахи же говорили яснее слов: ед-

кий пот, свежий, с кислинкой адреналина, синтетики и оружия – запах вооруженных людей – мужчин, их было примерно трое. И поверх всего – тонкий запах шампуня с яблоком, домашней пыли, и чистый, острый страх девушки. Катя.

Их опередили. Её похитили.

В груди Тарра сжалось ледяным, знакомым до мурашек чувством. Точно таким же, как пять веков назад в том лесу. Та же беспомощность. Та же ярость. То же гулкое, тошнотворное эхо собственной неудачи.

Он стоял, сжав кулаки, в его янтарных глазах бушевала буря.

Таэлира коснулась его предплечья. Её пальцы были твёрдыми, живым якорем в этом шторме.

– Мы найдём её, – сказала она, и в её голосе не было сомнений. Только холодная решимость. – Мы не позволим им сделать с ней то, что сделали с Сергеем.

Тарр медленно повернул к ней голову. Взгляд его был тяжёлым, но в глубине янтарных зрачков уже загорался знакомый огонь – огонь охотника, у которого появилась цель.

– Ты права, – его голос прозвучал низко, почти шепотом, но в нём вновь появилась сталь.

Он приложил два пальца к височной кости, активируя имплантированный коммуникатор. Устройство, работающее на принципе квантовой запутанности частиц, – не телепатия, но для стороннего наблюдателя неотличимая от неё.

– Зифан, ответь.

– Слушаю, – голос учёного был спокоен, но чувствовалась нотка волнения. – Что у вас?

– Вы нашли её? Она в порядке? – в канал ворвался взволнованный, срывающийся голос Сергея.

– Квартира вскрыта, – Тарр говорил медленно, выдавливая из себя каждое слово. – Кати нет. Её похитили. По запаху – трое, не более часа назад.

В эфире повисло короткое, тягучее молчание. Потом слышался сдавленный стон Сергея.

– О нет... Я чувствовал... Это всё из-за меня! Мне не надо было приходить!

– Сергей, – голос Таэлиры прозвучал в канале твёрдо, но с неожиданной теплотой. – Мы её найдём. Обещаю.

– В машине, – вмешался Зифан, его тон стал деловым, острым. – Есть анализатор сенсорики. Тот, что мы используем для поиска облученных. Он может изучить взятый образец запаха и найти уникальный маркер в радиусе пятидесяти километров. Воздух в квартире ещё не рассеялся.

– Понял. Конец связи.

Тарр вытащил устройство – небольшой чёрный диск с едва заметной руной на поверхности – экстрактор. Он поднёс прибор к смятому на полу свитеру – тому самому, в котором Катя была утром. Диск тихо запищал, на его поверхности загорелась зелёная полоска. Образец взят.

Вернувшись к машине, он вставил диск в слот на центральной консоли. Панель приборов ожила. На лобовое стек-

ло проецировалась трёхмерная карта города с быстро сужающимся концентрическими кругами. Квантовый процессор, скрытый под капотом, начал работу – фильтруя миллионы сигналов, отсекая совпадения, строя карту перемещения запаха.

Прошло три минуты. Пять. Сердце Тарра билось ровно, но каждое сокращение отдавалось в висках тяжёлым гулом. Наконец, проекция стабилизировалась. На карте, далеко за городской чертой, в районе старых, заброшенных карьеров, замерцала одинокая красная точка. Координаты. Почти в пределах чувствительности прибора.

– Зифан, есть координаты. Высылаю данные. Нужно понять, что там.

– Принял. Обрабатываю... – пауза, заполненная тихим шелканьем клавиш. – Спутниковые снимки показывают... старую, законсервированную военную базу времен холодной войны. По документам – заброшена. Но инфракрасные следы... Тарр, там есть активность, движение.

– Сколько времени до заката?

– Три часа. Луна сегодня будет в зените, максимально сильное излучение. Вы не успеете вернуться до её восхода. Вы должны вернуться.

– Нет времени. Мы должны знать, что там, с чем нам предстоит столкнуться. Нужна разведка.

Пока Тарр изучал карту, Таэлира стояла на улице, впиты-

вая новый мир. Люди вокруг жили своей жизнью – смеялись, спорили, целовались на лавочке. Они выглядели беззаботными, такими хрупкими, не ведая, что происходит под поверхностью их реальности. Ей было не по себе от этой суеты, от этого шума.

И тут позади неё раздался голос – сиплый, пропитанный перегаром и самоуверенностью.

– Опа, кто это у нас тут? Что за конфетка?

В нос ударил запах дешёвого алкоголя, пота и табака. Таэлира медленно обернулась. Перед ней стояли трое. Лица расплывчатые, глаза мутные. Самый крупный, с бритой головой, нагло оглядывал её.

– Пойдём, красавица, скрась наш вечерок, – он гнусаво захихикал, делая шаг вперёд. Его рука потянулась, чтобы схватить её за плечо.

Дверь машины распахнулась. Из неё вышел Тарр. Его появление было внушительным. Он не казался гигантом в обычной одежде, но в его осанке, в ширине плеч, в спокойном каменном выражении лица читалась такая концентрация скрытой силы, что пьяные ухмылки на лицах хулиганов мгновенно сползли.

– У нас дела, – произнёс Тарр ровным, без интонаций голосом. Его тёмные очки были направлены на «главаря». – Идите своей дорогой.

Наступила пауза. Алкогольный туман в головах троицы боролся с инстинктом самосохранения. Инстинкт проигры-

вал.

– А, жених! – фыркнул «бритый». – Не кипишуй. Мы твою цыпочку только на минуточку... Скучно вам, поди, вдвоём?

Он сделал ещё шаг – к Таэлире, его рука схватила её за рукав.

– Пойдем с нами, красотка, не ломайся!

Это было ошибкой.

Рефлексы Таэлиры сработали быстрее, чем она успела об этом подумать. Движение было молниеносным, а для человеческого глаза – почти невидимым. Её пальцы, словно стальные щипцы, обхватили его запястье, сжались и повернули руку в неестественное положение. Раздался приглушённый, влажный хруст.

Человек взвыл нечеловеческим голосом, рука безвольно повисла. Он рухнул на колени, захлёбываясь криком и болью.

Его друзья застыли в шоке. Потом, с пьяным и яростным рёвом, они рванулись вперёд, из карманов блеснули тусклые лезвия складных ножей.

– Ах ты, стерва!

У них не было ни единого шанса.

Таэлира встретила первого, даже не сдвинувшись с места, коротким ударом ребра ладони в основание шеи – не смертельным, но болезненным, выводящим надолго из строя. Он захрипел, выронил нож, схватился за горло. Второй, замах-

нулся ножом, но согнулся пополам, получив удар коленом в солнечное сплетение. А затем точным ударом кулака в челюсть отправила его в глубокий нокаут. Звук был глухим, кость не раздробилась, но сознание покинуло его мгновенно.

Всё заняло менее пяти секунд. Трое лежали на асфальте. Один стонал, держась за сломанное запястье, второй давился, пытаясь вдохнуть, третий был без сознания.

Вокруг, как из-под земли, начали собираться зеваки. Раздались возгласы, кто-то судорожно доставал телефон.

Тарр за это время не повёл и бровью. Он лишь наблюдал, его лицо под очками было каменным. Теперь он сделал шаг вперёд, его голос прозвучал низко и чётко, перекрывая нарастающий гул:

– Таэль. В машину. Живо.

Таэлира, не оглядываясь на результаты своей работы, развернулась и скользнула на пассажирское сиденье. Тарр сел за руль, дверь захлопнулась. Седан, с тихим, но мощным гулом, сорвался с места и растворился в потоке машин, оставив позади переполох и первые сирены вдали.

В салоне повисла напряжённая тишина. Таэлира первой её нарушила.

– Они первые начали, – сказала она, глядя в окно. – И тот схватил меня. Сработал рефлекс и ты сам всё видел.

– Рефлекс? – спросил Тарр, не отрывая взгляда от дороги. В его голосе не было гнева, только усталая констатация.

– Да. Пять веков в ледяной капсуле не сказались на мы-

шечной памяти и рефлексах. А вид таких... паразитов всегда действовал на меня раздражающе. Особенно сейчас.

– Особенно сейчас?

– Сейчас, когда я знаю, что нашу суть, нашу волю, они превратили во что-то грязное и мерзкое. В то, что вживили в Сергея. – В её голосе впервые прозвучала жёсткая, холодная нота.

Тарр кивнул, понимая. – Постарайся сдерживаться. На Земле теперь всё по-другому. Всё фиксируют. Камеры на каждом столбе, люди с телефонами... Нам и так хватает врагов, чтобы ещё и с местной стражей порядка воевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.